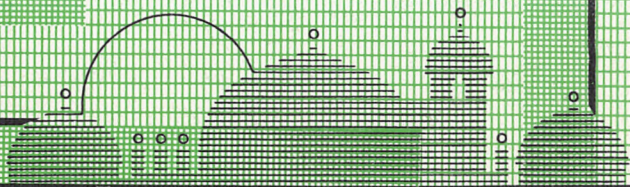

КАЗАХИ О РУССКИХ
до 1917 года

Society for Central Asian Studies
Reprint series № 5

KAZAKHS ON RUSSIANS BEFORE 1917

A. BUKEYKHANOV

M. DULATOV

A. BAYTURSUN

T. RYSKULOV

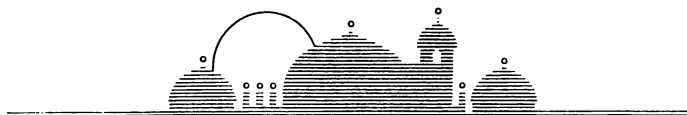
Oxford

ОБЩЕСТВО ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

**КАЗАХИ О РУССКИХ
до 1917 года**

**А. Букейханов
М. Дулатов
А. Байтурсун
Т. Рыскулов**

© The Society for Central Asian Studies
P.O. Box 131, Oxford OX1 2NJ, England
1985

KAZAKH ON RUSSIANS BEFORE 1917: BUKEYKHANOV, DULATOV, BAYTURSUN, AND RYSKULOV

In the second half of the 19th century, at approximately the time when Russia was entering the era of capitalist development, Muslim Turkic elites of the Russian Empire became conscious of the dangers of the newly born Russian nationalism which was threatening their religious, cultural and economic life. Their reaction was a nation-wide cultural, and later political movement called *jadidism*. This intense intellectual upheaval thrust the Turks of the Empire into the leading intellectual position in the entire Muslim world.

Jadidism began among the Volga and Crimean Tatars, then spread rapidly to all Muslim territories of the Russian Empire. Nowhere did it assume a more dramatic character nor have greater influence than in the Kazakh steppes, where *jadidism* took some specific and unique forms strikingly different from its manifestations among the Tatars,, the Azeri Turks or the Turkestanis.

This special flavour of *jadidism* and of the Kazakh national movement which it inspired was due to several historical and sociological factors. The first was the character of the Russian conquest of the steppe territory. This conquest was carried out in almost imperceptible stages and not, as was the case in other Muslim territories, by military conquest. When the Russians

appeared on the fringes of the Kazakh steppes, a vast area stretching from Siberia to the Syr Darya, the land was occupied by nomad Kazakh tribes who had undergone only a superficial Islamisation. These tribes were loosely grouped in four tribal federations: the Greater Horde (*Ulu Zhuz*), the Middle Horde (*Orta Zhuz*), the Lesser Horde (*Kishi Zhuz*) and the Bukey Horde. All of the Hordes were engaged in a life and death struggle against the Buddhist Jungarians of Western Mongolia and the Mongolians' kinsmen, the Kalmuks of the lower Volga.

Taking advantage of the political confusion in the steppes, the Russians advanced slowly to the south and east, marking the line of their advance by building fortresses: at Omsk in 1716, at Semipalatinsk in 1718, and at Ust-Kamenogorsk in 1719. For the Kazakhs, the years 1723–1725 became *aktaban shubrun dy*, the «time of great misfortune». During this period, the Jungarians and the Kalmuks descended on the steppes and ravaged them with near impunity. In their search for help, the Kazakhs turned to Russia; Russian protection accordingly was extended to the Lesser Horde in 1731, to the Middle Horde in 1740 and to the Greater Horde in 1742.

At first Russian protection was only nominal. Gradually, however, it was transformed into effective possession of the Kazakh territory. Russian forts were built in the heart of the steppes, and Cossack colonies – Ural, Orenburg and Semirechie – were settled on the most fertile lands. Little by little, the Russians introduced their own administration alongside the feudal administrative machinery of the native rulers. Between 1822–1848, final Russian conquest of the Kazakhs was completed by the former's abolition of the power of the Khans of the four Hordes, but until the 1890s Russian rule toward the nomads was characterised by its liberalism: it did not threaten their traditional way of life. Unlike the Volga Tatars, for example, the Kazakhs were not official subjects of the Empire; rather they remained *inorodtsy*, or «aliens», who were not required to serve in the Russian military. To some extent the Kazakhs were able

to preserve their customary law and a modest degree of self-government.

A second tempering factor of *jadidism* and the Kazakh national movement was the social structure of the Kazakh political and intellectual leadership. Until the Bolshevik Revolution in 1917, the political and intellectual leadership of the Kazakhs came from the feudal and clannic-nomadic nobility and not, as in the case of the Volga Tatars, from the merchant bourgeoisie. This Kazakh nomadic aristocracy inherited the imperial Mongol tradition of religious tolerance and liberalism; they were, for example, somewhat indifferent to Islam, represented in the steppes by Tatar *mullahs* and the Bukharian or Kokandian *ishans*. Islam was not the only basis of their national awareness and culture. In the early period of Russian rule, the Kazakh nobility was more interested in shaking off the economic, cultural and religious supremacy of the Volga Tatars than in resisting Russian encroachment.

* * *

The history of the Kazakh national movement before the Bolshevik Revolution may be divided into two stages.

The first stage began about 1850 and ended in the 1890s. During this period, the leadership of the movement belonged to a group of distinguished writers, scholars and pedagogues. The most famous among this group were modernists and fervent occidentalists, who looked to Russia rather than to the faraway Ottoman Empire as an appropriate model for European-style development. This group included Chokan Valikhanov (1835–1865), a descendant of the Chingiz Khanid rulers of the Middle Horde; Ibray Altynsaryn (1841–1889), a member of an aristocratic family; and Abay Kunabaev (1845–1904), the son of the chief of a clan.

«Without Russian help», Chokan Valikhanov exclaimed, «we will remain wild Asiatics». This generally was the position

of the early Kazakh national leaders; they stressed cooperation with Russia as a means of advancing their societies. In return, Russian authorities were prepared to lend support to the Kazakhs as a way to neutralise Tatar and Turkestani influence in the steppes. From 1841, Russians established Russo-Kazakh schools, and they created openings for Kazakhs in the Russian military (cadet) schools of Omsk and Orenburg. They assisted in devising a literary Kazakh language, a new educational system and a modernist Kazakh national literature. Many Kazakh elites received their higher education in Russian schools and universities, especially in Omsk, Irkutsk, Orenburg, Kazan and St. Petersburg.

The «pro-Russian» stage of the Kazakh national movement came to an end and its second stage began in the early 1890s with the arrival of the first massive influx of Russian immigrants to the steppes. In fact, the first unorganised settlement of Russian peasants appeared in the Akmolinsk region in 1866, and this was followed in 1870 by further organised settlements in Akmolinsk, Turgay and Semirechie *oblasts* in 1870. In 1892, with the opening of the Siberian railway, Russian and Ukrainian resettlement on the best agricultural lands in the northern and eastern steppes (present day Semipalatinsk, Pavlodar, Turgay and Akmolinsk regions) became massive and systematic. The inflow increased still further following the Russo-Japanese war.

We can get a sense of this enormous demographic change in the steppes with the aid of the following figures. Before 1896, there were approximately 150,000 Russian settlers in the steppes occupying approximately 1,379,000 *desiatines* of land. Between 1896–1906, this number had risen to 206,000 settlers occupying 4,535,000 *desiatines*. In 1916, the steppes contained 1,200,000 Russian and Ukrainian settlers, who occupied 9,300,000 *desiatines*. And during the February revolution of 1917, more than 13 million additional *desiatines* of prime agricultural land was taken from the nomads and given to the Slavic colonists. Turar Ryskulov captured the scope and emotion of

this Russian advance in his book *Kazakhstan* (Moscow, 1927, p. 40), where he wrote that «up to 1916, the Russian Government despoiled the Kazakhs of 40 million hectares of their best lands for the benefit of Russian peasant colonists. The Kazakhs were pushed toward the desert steppes and the mountains. They were ruined and their very existence threatened».

Relations between nomad Kazakhs and Russian settlers rapidly became hostile. «After 1899», Ryskulov wrote («Iz istorii Revoliutsionnoi Bor'by v Kazakhstane», *Revoliutsiia i Natsional'nosti*, 11 (69), 1935, p. 37), «ethnic clashes between Kazakhs and Russians became a common feature in the life of the steppes». This unrest culminated in 1916 in a general uprising of the nomadic tribes, which spread throughout Kazakhstan to present-day Kirghizia and to some nomadic areas of Uzbekistan. Russian military units, assisted by Russian colonists, put down the uprising with savage ferocity. Thousands of nomads were slaughtered, while others fled to China.

Under these new conditions, Kazakh *jadids* found it difficult to follow the line of their predecessors, who had stressed the advantages of cooperation with Russia. Indeed, Kazakh literature after the turn of the century reflects a deep despair and a violent anti-Russian xenophobia. This spirit is captured by Mir-Yakub Dulatov in his poem «Uyan Qazaq» («Wake up, Kazakh!»), which was published in Ufa in 1906:

Every year our land and water grow smaller. They are taken by the Russian peasants. The tombs of our glorious ancestors are now in the middle of the streets of their villages. Russian peasants destroy them, taking the stones and the wood for their houses. When I think about this, my heart is consumed by sorrow, like fire.

The Kazakh poet Zhandybaev put it even more succinctly in his poem «*Zhash Hayatim*» («My Youth»), 1906:

We are ruled by the Russians, who play with us like a fox with its prey.

After 1905, the Kazakh national movement assumed a more political colouration. Two distinct lines appeared. The first was the more traditionalist and pan-Islamic, which was oriented toward Bukhara and Turkestan. This trend was represented by conservative elements from the Tatar or Turkestani Koranic schools (*madrassah*). The second trend was modernist, liberal and pan-Turkic and was oriented mainly in the direction of Kazan and Istanbul. Most of those Kazakh intellectuals who had received their education in Russian schools belonged to this trend, including the future leaders of the Kazakh national party, *Alash Orda*: Ahmed Baytursun, Ali-Khan Bukeykhanov, Halil Dosmuhammedov, Mohammedzhan Tynyshbaev, Mir-Yakub Dulatov, Mustafa Chokay and others. Essentially, these men were political moderates who believed that it was still possible and desirable to pursue their national goals within a legal framework, but the most pressing need, they insisted, was an intellectual renaissance among the Kazakhs: «The very existence of the Kirghiz (Kazakh) nation has become an acute problem», wrote Ahmed Baytursun in an editorial of the newspaper *Qazaq* (2 February 1913). «In order to preserve our existence, we must fight for instruction and culture. We must develop our own national literature in Kazakh. Only those people who have succeeded in creating their own literature are entitled to an independent existence».*

We can see by the number of high quality publications and Kazakh periodicals to appear after 1905 that the intellectual and political activity of this dynamic group of Kazakhs was enormous. The first Kazakh language periodical, *Dala Vilayeti*, appeared in Omsk as early as 1888 as the literary supplement to

* At this time, until after the Bolshevik Revolution, the nomadic Kazakhs and sedentary Kirghiz were considered as one people and were usually called Kirghiz or Kirghiz-Kazakh in print.

the Russian language journal *Kirgizskaia Stepnaia Gazeta*. This publication disappeared in 1902 and was followed, in 1907, by *Sirke* («The leader»). *Sirke* was published by a radical pan-Islamist, the Siberian Tatar Abdurrashid Kadi Ibragimov, in St. Petersburg. It was almost immediately struck off by the Russian censor. In 1907, *Qazaq Gazeti* appeared in Troitsk, and this it, too, was quickly suspended, in this case after only one issue. Two of the most important *jadid* newspapers, *Ay-Qap*, a monthly from Troitsk, and *Qazaqstan*, a weekly appearing first in Kazanskaia Stavka (Bukey Oradasy), then in Ural'sk, appeared in 1911. *Ay-Qap* was characterised by strong pan-Islamism and pan-Turkism. Its chief editor was Mohammedzhan Siralin and its sub-editors included a pantheon of the best Kazakh intellectuals: Baytursun, the poets Magzhan Zhumabayev, Sabit Dönentaev, Ekram Alimov, Shah-Mardan Koshchegulov and many others. During the 1916 revolt, *Ay-Qap* adopted a blatantly anti-Russian position, which caused its suspension in September of that year after its eighty-eighth issue. *Qazaqstan*, published by Sultan-Giray Bukeev, a descendant of Chingiz Khan, was even more radically pan-Islamic and more hostile to Russian domination. Not suprisingly, it was suspended after its fourteenth issue.

The most important of all pre-revolutionary Kazakh publications, the weekly *Qazaq*, appeared in Orenburg in February 1913. Unlike *Ay-Qap* and *Qazaqstan*, which were printed in editions of several hundred, *Qazaq* appeared in editions of more than 8,000. Ahmed Baytursun was chief editor; all important Kazakh leaders figured among its contributors, including Zhumabaev, Dulatov, Dosmuhammedov, Oldes Omerov, Abdul-Hamid Zhuzhdybaev, Tynyshbaev and many others. It was here that Baytursun and others published their major research works on the history of Kazakh literature, folklore and linguistics. In general, *Qazaq* attained a very high scholarly level.

Qazaq's editors followed closely what was to become the po-

litical line of the future Alash Orda Party.* This line was moderately pan-Islamic, but more interested in national survival and regeneration than in broader pan-Turkic themes. Toward Tsarist authorities, *Qazaq* was cautious; its editors reasoned that an open challenge to the overwhelming might of Russia was premature. Moreover, they hoped that cooperation between the Kazakhs and the liberal or leftist Russian political parties was still a possibility at this time, an illusion they eventually shed. Nor was cooperation with the Bolsheviks to prove fruitful, as the fate of *Qazaq* demonstrates. In January 1918, it was transferred to Turgaysk; in March of that year it was closed down by the Bolsheviks.

With the onrush of events attending the breakdown of the Russian Empire and the coming to power of Lenin and the Bolsheviks, Kazakh nationalist intellectual and political activity was increasingly invested in the Kazakh political party, Alash Orda. By 1919, Alash Orda completed dominated Kazakh political life, the year in which the decision was taken to join the Bolsheviks in their struggle for supreme power in the fractured Empire. Alash Orda leaders took this decision with some trepidation: Lenin and the Bolsheviks were a lesser evil, and the situation in the steppes had reached such a stage that it was no longer feasible for the Kazakhs to sit on the sidelines and hope for a satisfactory outcome.

In 1920, most Alash Orda leaders were admitted to the Russian Communist Party (bolshevik), but they remained nationalist in orientation. Working through the Bolshevik bureaucratic apparatus, they sought to seize every opportunity to occupy the key positions in their own regions and to continue the fight for their traditional ideals: the cultural awakening of the Kazakhs, administrative and political autonomy, the suspension of

* See *Programs of the Muslim Political Parties 1917–1920*. The Society for Central Asian Studies. Reprint Series, No. 2, Oxford 1985, pp. 47-53).

Russian immigration and the return of those lands then occupied by Russian colonists. For nearly ten years, until the early 1930s, members of the Alash Orda retained almost complete control over education, the press and publication in Kazakhstan, succeeding to give Soviet Kazakh culture a distinct national stamp.

This distinguished Kazakh elite disappeared in the bloody purges of the 1930s, together with most Kazakh communists, including those who were bitter foes of the Alash Orda. Bolshevik policy at this time sought and achieved the systematic destruction of the entire pre-revolutionary intellectual class of Kazakhs. This effort coincided with a merciless program to sedentarise the Kazakh nomads. The results of this latter project were indeed horrible, costing over one million lives: that is, more than one-third of the entire Kazakh population of the new Soviet empire. Thus, on the eve of World War II, as in the 17th century at the time of the Jungarian invasions, the Kazakh nation was threatened with destruction. The effects of genocide in the 1930s was aggravated still further after the war, when Russian policy again targetted the steppes for massive infusions of Russians and other Slavs. By 1959, this policy had reduced the Kazakhs to a minority in their own republic, with just 30 per cent of the total population.

* * *

The leaders of the Alash Orda have never been politically rehabilitated in the USSR, not even after Khrushchev's famous de-Stalinisation speech in 1956. This cannot be attributed to bureaucratic oversight, as more recent Soviet sources make clear. The following official assessment is typical:

The bourgeois nationalists, A. Baytursun, M. Dulatov, and others having been defeated in their open struggle against Soviet power, transferred their anti-Soviet activity to the

ideological front. They propagated the idea of the «common stream» (*edinnyi potok*; meaning the unity of Muslim Turkic culture) and defended the originality (*samobytnost'*) of Kazakh literature. They opposed Soviet influence on Kazakh literature and tried to introduce Pan-Islamic and Pan-Turkic ideologies. (*Istoriia Kazakhskoi SSR – SDrevneishikh Vremen Do Nashikh Dnei*, vol. IV; Alma-Ata: Institute of History, Academy of Sciences, 1977, p. 487).

Soviet historians today routinely portray Baytursun and his nationalist contemporaries as political fanatics; in reality, of course, they can be described as anything other than political moderates only with considerable exaggeration. It is perhaps paradoxical – and a revealing comment on Soviet politics regarding Kazakh history today – that historians in Stalin's time apparently were somewhat less constrained by the current demands of Soviet historiography in their treatments of the Kazakh nationalists. For example, under the heading «Ahmed Baytursunov» in the *Sovetskaia Literaturnaia Entsiklopediia*, vol. 1 (Moscow: 1930), pp. 305-306, signed by «A.S.» – probably A. Samoilovich, a distinguished orientalist – we find: «In 1905, Baytursunov was the leader of the Kazakh revolutionary masses», and «the goal of *Qazaq* was the social and cultural awakening of the Kazakh people».

In this collection of original documents, we have included essays by the most important Kazakhs of this period, Ali-Khan Bukeykhanov, Mir-Yakub Dulatov and Turar Ryskulov, as well as the *Soviet Literary Encyclopedia* article on Baytursun noted above.

BIOGRAPHIES

Ahmed Baytursun. See The Revolution as Seen by Muslim Bolsheviks, The Society for Central Asian Studies Reprint Series, No. 3 (Oxford: 1985).

Ali-Khan Bukeykhanov, (1869–1932?), was born in Samara, a descendant of the Khans of the Bukey Horde, whose ancestor was Chingiz Khan. He was educated in Omsk and graduated from the Institute of Forestry in 1894. Bukeykhanov worked in the administration of the Tobol'sk *guberniia* and as a professor at the Institute of Forestry in Omsk. From 1897–1903, he served in the administration of the General Government of the Steppes and as an executive in the Agricultural Bank of Samara. Bukeykhanov was an engineer (a specialist of pedology), an historian, and economist, and a folklorist. He was the first scholar to analyse scientifically the Kazakh epics and folklore. In his youth, Bukeykhanov was a radical revolutionary and a socialist and a member of the strongly anti-Russian literary group «Zar-zaman» («The time of sorrows»). After 1905, he moved to the moderate right and even joined the Russian Constitutional Democrats (K.D.), but he remained even then a fervent and outspoken nationalist. Bukeykhanov was jailed twice for «subversion». In 1905–1906, he was elected deputy of the First and Second Duma. At the same time, he was one of the founders of the political circle «Alash Orda» and chairman of the Congress of Kazakh Intellectuals of the Western Steppes in Orenburg.

Bukeykhanov cooperated on several radical Russian-language newspapers of Social Revolutionary or Social Democrat trends: *Omich* and *Irtysk* in 1906 and *Stepnoi Golos* and *Sibirskie Voprosy* in 1907, all published in Omsk. He also played a major role in the development of Kazakh literature and the press. In his youth, Bukeykhanov collaborated on the first Kazakh periodical, *Dala Vilayeti* of Omsk, and in 1905 on the Tatar newspaper *Fiker*, published in Ural'sk by the *jadid* and revolutionary-minded mollah Kamil Mutygy Tuhfatullin. *Fiker*, though a Tatar publication, was one of the first to publish articles by Kazakhs with nationalist views. Later, Bukeykhanov contributed to *Ay-Qap* (Troitsk), *Qazaqstan* (Ural'sk) and *Qazaq* (Orenburg).

In March 1917, Bukeykhanov was among the founders of

the Alash Orda, and in December 1917 he chaired the Third Pan-Kirghiz Congress (Orenburg), which decided to create and autonomous Kazakh government. During the Civil War, he was president of the East Kazakh Government in Semipalatinsk, which cooperated, in the beginning, with the White counter-revolutionary forces but, later, with the Bolsheviks.

Bukeykhanov played no political role in the life of the Soviet Kazakh republic. He disappeared in the purge of 1932.

Mir-Yakub Dulatov, (1885–1937) was a Kazakh of the Major clan of the Argyn tribe and a member of the Kazakh aristocracy («white bone»). He studied at the reformist (*jadid*) Galiyeh *madrassah* of Ufa and at the Russian-Kazakh school of Gaurgan. Dulatov began his career as a teacher. His talent in literature appeared at an early age, and by the time of the Revolution he had become one of the most distinguished and finest Kazakh poets and writers.

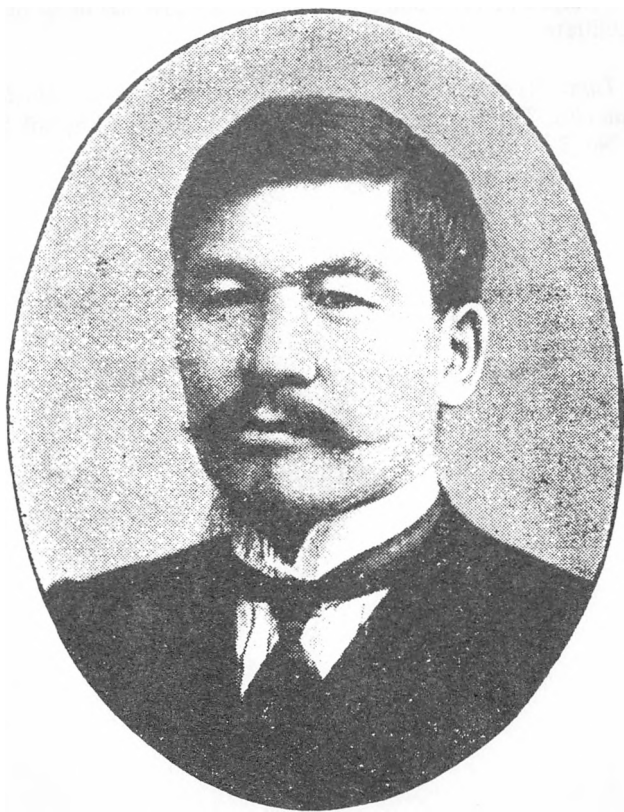
Dulatov's most famous works are: the poems «*Uyan Kazakh*» («Awake Kazakh!»), Ufa, 1906 and 1909; «*Azamat*» («The Young Brave»), Orenburg, 1913; and the drama «*Bahtsyz Zhamal*» («The Unhappy Jamal»), Orenburg, 1910. He collaborated on several Kazakh periodicals, including *Ay-Qap*, *Qazaq*, *Birlik Tuuy* (Tashkent, June 1917), and *Aq-Zhol* (Tashkent, December 1920).

Dulatov was profoundly anti-Russian and a radical nationalist; he was one of the founders of the Alash Orda in March 1917. Zeki Velidi Togan (in his *Hatiralar*) refers to Dulatov as «one of the three pillars of Kazakh culture», Bukeykhanov and Baytursun being the other two. In the *Sovetskaia Literaturnaia Entsiklopediia* (Moscow, vol. 3, 1930, p. 591), Dulatov is described as «the greatest poet and journalist of Soviet Kazakhstan, whose works proclaim the national revival of the Kazakh people and the necessity of a more civilised way of life».

In the 1920s and early 1930s, through his writings and teaching at the Communist University of the Toilers of the East

in Moscow, Dulatov influenced the entire generation of Kazakh intellectuals. His fierce defense of nationalist ideas led to him being purged in 1934 and liquidated in 1937. He has never been rehabilitated.

Turar Ryskulov. See *The Revolution as Seen by Muslim Bolsheviks*, The Society for Central Asian Studies Reprint Series, No. 3, Oxford, 1985.

Али Хан Букейханов

I

А. Букейханов. "Киргизы".

(in Костелянский А.И. (ред.), Формы национального движения в современных государствах. Петербург — Петроград, 1910, стр. 577-600.)

I.

Начиная с XIII века, со времени Чингисхана, киргизы¹ и каракиргизы живут в Средней Азии, занимая главным образом обширную равнину, окаймленную с севера рекою Джайк (Урал и Яйк), с запада — Аму-Дарьей (Окс), с востока — Иртысом (Иртыш) и с юга горными хребтами. Кроме того, они заселяют также и Астраханскую губернию.

Об абсолютной и относительной численности киргизского населения данной территории дает представление следующая таблица:

1. Под общим именем "киргиз" или "киргиз-кайсаков" в литературе объединены тюркские родственные "ру" (род, племя), известные в истории Востока под именами Усын, Дулат, Канглы, Джалаир, Кыпчак, Найман, Конграт, Уак-Керей, Аргын и Алчин. Сами они обозначают себя именем "казах": слово "кайсак" и есть искаженное "казах". Древнее тюркское ру "кыргыз" в литературе известно под названием "каракиргиз" или "дикаменных киргиз". Очевидно, слово "киргиз", которым официальные бумаги, а вслед за ними и литература обозначают "казахов", берет свое начало от названия данного племени.

Название областей	Всего жителей	В т.ч. киргиз
1. Семипалатинская	761.095	655.971
2. Акмолинская	934.612	484.456
3. Тургайская	550,510	422.401
4. Уральская	644.000	466.000
5. Закаспийская	463.407	71.367
6. Сыр-Дарьинская	1.480.000	888.000
7. Семиреченская	1.088.217	844.405
8. Ферганская	1.837.418	374.981
9. Самаркандская	986.554	79.083
10. Астраханская губ.	1.005.000	213.000
	9.150.813	4.499.664

По переписи 1897 года число лиц, назвавших своим родным языком киргизский, равнялось 4084 тыс. По численности своей киргизы занимают среди различных народностей, населяющих Россию, шестое место. Если принять коэффициент естественного прироста равным 1,5 (для всей России он равен 1,55), то в настоящее время численность киргиз выразится в цифре 4696600.

Процентное соотношение между киргизами, русскими и др. национальностями, населяющими названную территорию, видно из следующей таблицы:

Название областей	Киргиз	Русских	Других народн.
1. Семипалатинская	86,2%	7,5%	6,3%
2. Акмолинская	52	48	
3. Тургайская	76,5	23	0,5
4. Уральская	72,5	25	2,5
5. Закаспийская	15	6,7	78,3 ¹
6. Сыр-Дарьинская	60	4	36 ²
7. Семиреченская	77	12	9,8
8. Ферганская	20,3	0,7	79 ³
9. Самаркандская	8	1,3	90,7 ⁴
10. Астраханская губ.	21	79 ⁵	
	51	49	

Во всех же 10 областях, взятых вместе, киргизы, каракиргизы⁶, кыпчаки⁷ составляют 51 % всего населения, но распределены они неравномерно: процент киргизского населения сильно понижается на крайнем юге и западе, доходя в Самаркандской до 8 %, Закаспийской — 15 %, Ферганской — 20 % и Астраханской — 21 %; в этих 4 областях живут, в общей сложности, 738431 киргиз, или почти 1/6 (16,5 %) всего киргизского населения. В остальных 6 областях, занимающих немного менее 3/4 (73 %) всей площади названных 10 областей, сосредоточиваются 5/6 (83,5 %) всего киргизского населения. Так, в Акмолинской области киргизы составляют 52 % (только в 3-х северных уездах ее они достигают всего 44 %); к Акмолинской обл. примыкает в этом отношении Сыр-Дарьинская, где киргизы образуют 69 %, или менее 2/3; в Уральской области киргизы составляют несколько менее 3/4 (72,5 %) населения, а в Семиреченской и Тургайской несколько более 3/4 (77,6 % для первой и — 76,5 % для второй). Особенно заметно преобладание киргиз в Семипалатинской области, где численность их достигает почти 6/7 (86,2 %). Во

Сноски к стр. 20-21.

1. В том числе туркменов 55,2 %.
2. В том числе сартов и таджиков 21 %, карапалкапов 7 %, узбеков 5 %.
3. В том числе сартов и таджиков 65 %, узбеков 8,7 %, каракалпалков 1 %.
4. В том числе узбеков 45 %, таджиков 44,2 %.
5. В том числе калмыков 13 %
6. Каракиргизы живут в Семиреченской, Сыр-Дарьинской и Ферганской обл.
7. Кыпчаки — в Ферганской.

всех этих 6 областях, взятых вместе, киргизы достигают в среднем 69 %, или более 2/3 всего населения. На всем пространстве от Сыр-Дарьи до Иртыша и от Тянь-Шаня до р. Урала киргизы составляют большинство, превышающее 65 %.

Переходя к внутреннему быту киргиз, должно заметить, что современная хозяйственная жизнь последних не укладывается в простую формулу примитивной экономики полудикого кочевника, постоянно меняющего место стоянки и передвигающегося со своими стадами, в поисках для них подножного корма и лучшего водопоя. Былое, чисто пастушеское хозяйство киргиза, постепенно уступает место смешанному *земледельчески-пастушескому* типу; это наблюдается, по крайней мере, в тех местностях, где естественно-исторические условия и экономическая конъюнктура оказались благоприятными для развития земледелия. В этом отношении киргизский край (Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская и Уральская обл.) можно схематически разбить на два района: северный, лежащий выше 50-ой параллели, благоприятный для земледелия, и южный, — где плохая почва, скудость атмосферических осадков и отдаленность от рынков делают земледелие в сколько-нибудь значительных размерах невозможным. На одно хозяйство приходится:

В районах	Десятин посева	Пудов сена
Северном	3,3	1120,4
Южном	0,2	168,6

В северной полосе киргизское хозяйство, имея

в среднем 3,3 десятины посева, производит количество хлеба, превышающее норму собственного потребления и сбывает его на стороне; сена оно потребляет в 6 с лишним раз более южан, у которых нет даже собственного хлеба. Понятно, что приведенные средние цифры дают лишь общую картину киргизского хозяйства, разнообразного и пестрого, как сама киргизская степь. Об этом разнообразии киргизского хозяйства и степени преобладания в нем земледелия дает понятие следующая таблица:

Области и уезды	% хозяйств, сеющих хлеб	Приходится десятин посева:		
		В среднем на одно хозяйство	На каждое ссущее хозяйство	
Тургайская	Кустанайский	77	2,8	3,6
	Актюбинский	94	5,8	6,16
Акмолинская	Атбасарский	30,4	0,47	1,5
	Акмолинский	61,5	1,44	2,3
Семипалатинская	Каркаралинский	11,7	0,1	0,8
	Семипалатинский	40	0,73	1,8
	Усть-каменогорский	69	1,9	2,7

В то время, как в Актюбинском уезде почти все киргизы (94,4 %) являются заправскими земледельцами (на одно хозяйство приходится 6,16 десятин посева), в Каркаралинском уезде земледелием занимаются всего 11,7 % хозяйств, и на каждом приходится в среднем 0,8 десятины посева.

По данным киргизских бюджетов, земледелие

лием занимаются 63 % киргизских хозяйств, причем на каждое приходится в среднем 2,25 десятин посева. Однако, главным промыслом киргиз является еще и теперь скотоводство, и основное богатство их составляет скот¹, как это видно из сле-

1. Если выразить численность всего скота в переводе на цифру лошадей, то таких "единиц-лошадей" придется на:

	одно хозяйство	одну душу
По переписи	20,14	3,5
По бюджетам	24,65	3,9

Эта средняя цифра сильно изменяется в зависимости от зажиточности данного хозяйства. Число "единиц-лошадей" различно в различных группах:

	На одно хозяйство	На одну душу
В группе безлошадных	3,77	0,86
В группе свыше 100 лошадей	287,85	34,75

Соотношение между владением бедных и богатых групп выразится в цифрах:: 1:75 и 1:40. Огромное большинство киргиз приближаются к категории маломощных, что видно из следующей таблицы:

Группы хоз. по к-ву лошадей	% хозяйств данной группы к общему числу хозяйств	Единиц скота приходится:	
		на одно хозяйство	на одну душу
I;III (от безлош. до 5 лошадей)	60,52	от 3,77 – 9,94	от 0,86 – 1,79
IV (от 6 до 10 лошадей)	17,53	17,45	2,83
V–VIII (от 11 до 100 и более лошадей)	21,95	от 31,15 – 287,85	от 4,67 – 34,75
	100%	20,14	3,5

Около 3/5 киргиз может быть, таким образом, отнесено к маломощным. Современное киргизское хозяйство подверглось сильной дифференциации, расщепившись на бедный и имущий слой. Первый составляет огромное большинство: 60,52 % против 21,95 %.

дующей таблицы о распределении доходов в киргизском хозяйстве:

	Доходы (в % отношении) от:		
	Ското- водства	Земле- делия	Других ис- точников
По киргизским бюджетам	73,76	13,96	12,28
По крестьянским бюджетам	23,69	50,87	25,44

Таким образом, *киргизское* хозяйство извлекает почти 3/4 (73,76 %) своего дохода от скотоводства, которое доставляет *крестьянскому* хозяйству менее 1/4 (23,69 %) его общих доходов. Земледелие дает киргизскому хозяйству 1/7 (13,96 %) дохода; крестьянское же — добывает из этого источника 1/2 (50,87 %) своего ежедневного заработка. Из других источников дохода характерны для киргизского хозяйства "личные промыслы", дающие 2,96 % дохода (11,13 % для крестьянского хозяйства).

Преобладающей является натуральная форма дохода:

	Доходы (в процентах) :	
	Натуральные	Денежные
По киргизским бюджетам	61,36	38,64
По крестьянским бюджетам	54,80	45,20

Киргизское хозяйство, хотя и вступившее на путь дифференциации и перешедшее от чисто-кочевого скотоводческого и натурального характера к смешанному, земледельчески-скотоводческому, все же остается, по преимуществу, натуральным и значительно превосходит по своей примитивности крестьянское хозяйство России.

Киргизы осели на землю. Привычное, старое представление о них, как о вечно-кочующем народе, каким рисовала себе киргиз комиссия Булыгина, составляя положение о государственной думе, является простым анахронизмом и свидетельствует лишь о невежестве нашей бюрократии.

Все киргизы живут 8 — 10 месяцев в году оседло на одном месте. Киргизский поселок называется "кстау", от слова "кс" — зима и "тау" — гора. В былое время, когда киргизы зиму проводили в кошомных юртах, они выбирали для зимнего времени защищенные места в горах, отчего их селения и носили название "кстау". В настоящее время только самая незначительная часть киргиз живет зимою в кошомных юртах в своих "кстау"; последние расположены в полосе Голодной Степи, где малая производительность почвы гонит киргиз зимою с одного "кстау" на другое, вынуждая оставаться в юрте, в этом символе кочевого быта.

О размерах киргизского поселка — "кстау" — свидетельствует следующая таблица, составленная на основании переписи 194000 хозяйств в 29500 "кстау"ах, расположенных в так называемом Киргизском крае, т. е. на территории, простирающейся от реки Урала до Алтая и от Сибирской жел. дор. до Аралокаспийской котловины:

Приходится на 1 кстау хозяйств :

В Каркаралинском у.	4	В Зайсанском у.	5	В Атбасарском у.	5	В Семипалатинск. у.	6	В Устькамен. у.	7	В Акмолинском у.	7	В Кокчетавском у.	8	В Павлодарском у.	8	В Петропавловск. у.	9	В Омском уезде.	9	В Кустанайском у.	9	В Актобинском у.	15	Во всех уездах.	7
---------------------	---	-----------------	---	------------------	---	---------------------	---	-----------------	---	------------------	---	-------------------	---	-------------------	---	---------------------	---	-----------------	---	-------------------	---	------------------	----	-----------------	---

Приведенные здесь цифры несколько округлены (усечены дроби). Размеры "кстау", как это аргюи можно было предполагать, варьируют в зависимости от естественно-исторических условий уезда; в его величине как бы фиксируется производительность пастбища и покоса. Там, где покос сена дает возможность извлечь из почвы больше, нежели оставляя скот на подножном корму, размеры "кстау" возрастают: так, в Каркаралинском уезде, занимающем горы Аралоиртышского водораздела и упирающемся с юга в озеро Балхаш, на 1 кстау приходится всего 4 хозяйства-семьи; в Актюбинском у., где почва по своим свойствам приближается к черноземной Самарской губ., с богатой ковыльною степью, на одно кстау приходится в среднем 15 хозяйств. На Таргабатае (Зайсанского у.), Чингисе (Семипалатинского у.) и в Голодной Степи (юг Каркаралинского, Акмолинского и Актюбинского уу.) величина "кстау" понижается до 2 и даже до 1 хозяйства, — в поемных лугах Иртыша, Ишима, Нуры доходит до 20, 30, 50 и даже 80 хозяйств, приближаясь, таким образом, к размерам доброго крестьянского поселка. Киргизское "кстау" представляет собой, подобно крестьянской сельской общине, элементарную земельную единицу. Важнейшие уголья — покосы на севере, запасные, охраняемые на черный день пастбища — "корык" на юге и овечье пастбище, так называемый "койболык", — находятся в исключительном пользовании и владении "кстау". Писанный закон считает эти уголья, как и всю киргизскую землю, казенными, предоставленными лишь в

пользование кочевников; но это, однако, нисколько не мешает киргизам арендовать, дарить, завещать, продавать друг другу покосы, "корык" и овечьи пастбища. В горах Таргабатай, Чингис и др. покосы, а иногда и овечье пастбище поделены в пределах "кстау" между отдельными хозяйствами, и каждое из них распоряжается своею долей на правах частной собственности. Далее, следующая категория пастбищ находится в совместном пользовании 2—3 и более "кстау". Такая группа "кстау" в статистической литературе получила название "общинно-аульной", представляющей последующую за "кстау" поземельную единицу в киргизском быту.

Киргизы группируют свои пастбища по времени пользования ими и по их относительной важности: на зимнее, осеннее, весеннее и летнее.

Первые три категории находятся в пользовании отдельных "общинно-аульных групп". Летними же пастбищами сообща пользуются одна, две и более "групп". Величина "общинно-аульной группы", как и размеры отдельного "кстау" определяются производительностью почвы и богатством пастбища, но зависит она также и от того, в какой мере крепко в данной местности родовое начало: чем прочнее и устойчивее оно, тем шире (при прочих равных условиях) пределы.

В 3600 "общинно-аульных группах" одиннадцати уездов было 143000 хозяйств.

Уезды	В Кокчетавском	„ Павлодарск.	„ Семипалат.	„ Каркал.	„ Омском	„ Акмолинск.	„ Петропавл.	„ Атбасарск.	„ Кустанайск.	„ Устькам.	„ Актюбинск.	Во всех
Приходится на 1 общ.-аульн. гр. хозяйств-семей.	25	28	29	33	36	37	41	45	59	64	107	40
Приходится на 1 общ.-аульн. гр. "кстау"	3	3	5	8	4	5	4	9	6	9	7	6

В среднем на одну общинно-аульную группу приходится 40 хозяйств или 6 "кстау". Три главных вида киргизских пастбищ: зимнее, осеннее и весеннее находятся во владении и пользовании общинно-аульной группы, которая соответствует крестьянской сложной общине, пользующейся со-обща пашнею, покосами или поскотиною. На территории общинно-аульной группы киргизы проводят от 8 до 10 месяцев в году, покидая ее весной на 2—4 месяца и возвращаясь обратно осенью. Пастбища на летних стоянках находятся в общем пользовании многих общинноаульных групп. Район кочевок с каждым годом сокращается. В северной части киргизского края летние стоянки расположены на границе зимней территории, в расстоянии 2—5 верст от усадьбы: здесь киргизы кочуют в течение всего лета по одному разу, и, таким образом, от былой кочевки на 500 — 1000 верст остается одно лишь воспоминание. В тех уездах, где сохранились значительные летние кочевки — в 50—100—500 верст, встречаются киргизы, владеющие малым количеством рабочего скота, а по-

тому весь год живущие на зимней территории "кстау" и совершенно не кочующие. Эти оседлые киргизы носят название "джатак" (лежачих).

В 10 уездах киргизской степи на 170000 хозяйств приходилось 10789 или 6,3 % оседлых хозяйств — джатаков.

В процентах — джатаки составляют в

Уездах.	Кустанайском	Павлодарск.	Акмолинск.	Каркарал.	Атбасарск.	Петропавл.	Кокчетавск.	Устькамен.	Семипалат.	Зайсанском.	Во всех
	0,74	3,16	4,2	4,4	6,4	4,64	4,65	9,99	11,5	13,5	6,3

В двух уездах: Омском и Актюбинском, кочевки в такой мере сохранились, что джатаки не отличаются от прочего населения. Выходя весною на летнюю стоянку, киргизы соединяются в аулы; аул состоит, следовательно, или из одного "кстау", или из нескольких соединяющихся вместе по хозяйственным соображениям: для наема пастухов, охраны покосов, взаимного обмена рабочим скотом во время кочевки и т. д. Такой летний аул носит название "котан". Понятно, что в создании "котана" важную роль играет общность летних водопоев и пастбищ.

Таким образом, схема социально-хозяйственной структуры киргизского населения выражается в следующем виде: основной ячейкой ее, как и всюду, является киргизская семья — двор, "чангарак"; объединенные общностью наиболее важных в хозяйстве угодий, "чангараки" образуют киргиз-

ский поселок "кстау" или "хозяйственный аул", как их именует статистическая литература; отдельные "кстау", объединенные также общностью землепользования, слагаются в более сложную по-земельную общину — "общинно-аульную группу". Как хозяйственный аул, так и общинно-аульная группа возникли под покровительством рода и поддерживаются родовой связью, и потому обе эти формы социально-хозяйственной жизни киргиз совпадают пока с родом, хотя основа их жизнеспособности кроется в потребностях землепользования.

Как над русским Иваном Босых, так и над киргизом царит "власть пастбища".

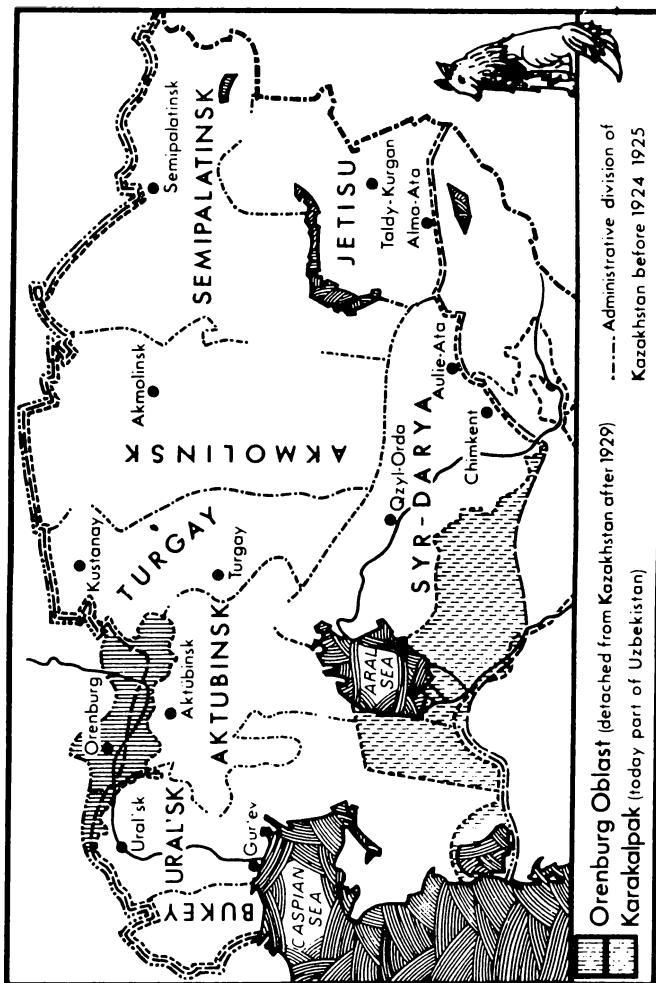
II.

Политический строй киргиз регламентируется особыми, специально для киргизского населения изданными законами: "Степным и Туркестанским Положениями". Киргизское население разбито на аульные общества, (сельские сходы), заключающие от 100 до 200 "податных кибиток" — семей; не менее 70 аульных обществ составляют волость. Следующей за волостью единицей является уезд. На каждое трехлетие аульный сход абсолютным большинством избирает аульного (сельского старосту), который является также сборщиком податей; в должности утверждает его крестьянский начальник. Служба аульного настолько обременительна и сопряжена, при наших политических условиях, с такими унижениями, что киргизы прозвали

аульного "дозахы" — адским жителем. Тот же сход избирает абсолютным большинством на каждые 50 кибиток одного выборного; съезд волостных выборных таким же большинством избирает народных судей — по одному на аульное общество, волостного управителя (волостного старшину) и кандидата на эту должность. Народный судья решает дела на основании обычного права; жалованья он не получает, но пользуется известным процентом с суммы иска. Уголовные преступления, грозящие лишением прав, как и дела между киргизамом и некиргизом, изъяты из компетенции киргизского народного суда и решаются имперскими судами. Народный судья и управитель утверждаются губернатором. Впрочем, по представлению крестьянского начальника, губернатор может утвердить управителем любого киргиза, хотя бы уже забаллотированного на выборах, и этот обход закона широко практикуется администрацией. Все должностные лица киргизского общественного управления подчинены в полицейском отношении урядникам и уездному начальнику, а в юридическо-административном — крестьянскому начальнику (на уезд — последних приходится от 2 до 4).

Как и в других окраинах России, и в киргизской степи искони ведется обрусительная политика. Русские чиновники здесь не блещут ни образовательным цензом, ни знанием местных условий¹. Обычные спутники обрусительной политики — грубость, произвол, бесцеремонное третирование все-

1. См. список лиц, служащих по вед. м.в.д. 1905 г. IV часть II. Спб.

Orenburg Oblast (detached from Kazakhstan after 1929)
 Karakalpak (today part of Uzbekistan)
 ----- Administrative division of
 Kazakhstan before 1924 1925

го того, что составляет святыню населения, усугубляются в степных областях тем, что правители не знают языка народа и сносятся через переводчиков, также лишенных всякого образовательного ценза. Наиболее ловкие переводчики захватывают в свои руки всю неограниченную власть уездного или крестьянского начальника и являются настоящими диктаторами своего уезда или участка. Не только бывшие армейские офицеры, променявшие военную службу на должность уездного или крестьянского начальника, или разного рода неудачники, не окончившие даже средней школы, попавшие случайно в правители киргиз, но даже следовательно и судья нередко становятся игрушкой в руках своих переводчиков. Штатные должности переводчиков киргизского языка занимали (до 17 окт. 1905 г.) в учреждениях, ведающих киргизские дела, русские, не знающие ни киргизского языка, ни киргизской грамоты. Это делалось нарочно, как говорил пишущему эти строки старший делопроизводитель канцелярии степного генерал-губернатора: "сами киргизы должны возвыситься до нас; мы же не обязаны учиться их языку!" Еще при Плеве крестьянские начальники не принимали прошений на киргизском языке, и лишь дни свободы положили этому конец. В степных областях вся переписка и делопроизводство, даже в канцелярии волостного управителя, ведутся на русском языке. Вся волость и сам управитель в руках малограмотного писаря-дельца.

Из многолетней практики русского управления киргизский народ вывел свои заключения, ко-

торые, в форме народных афоризмов, широко распространены в степи. Так, киргизы говорят: "орысдан досынболса, койнгда балсын", — если имеешь русского друга, то имей за пазухой топор; "орыс нан джесе, ахча алады" — если русский ест хлеб, то он берет взятки; "казах тюлеген туюе, орыс бута", киргиз — это линяющий верблюд, а русский — кустарник" (весною линяющий верблюд оставляет на кустах ключья собственной шерсти). Киргизка мать, унимая капризного ребенка, пугает его, говоря: "орыс кельды! орыс кельды! каскыр-кельды! часкыр-кельды!", — приехал русский! приехал русский! пришел волк! пришел волк! Как видно из приведенных народных поговорок, киргизы отождествляют с чиновниками-волками (волк, как главный враг скотовода), не только русское правительство, но и всех вообще русских.

Еще лет десять-пятнадцать тому назад киргизская степь приходила в соприкосновение с русским народом только в лице чиновников-правителей и на степных ярмарках — с русскими купцами; последние, в качестве рыцарей эпохи первоначального накопления, переживаемой киргизскою степью, не могли способствовать созданию лучших отношений между киргизами и русскими. С другой стороны, все возрастающее переселение русских в степь, борьба за землю между киргизом и переселенцем и грубые формы, в которых эта борьба протекает, немало углубляют и обостряют установившийся и без того на почве беззакония, национальный антагонизм.

На переселенческом вопросе, имеющем столь роковое значение для всей жизни киргиз и для их дальнейшего развития, следует несколько остановиться.

Переселенцы из Европейской России заселяют, главным образом, северные уезды степных областей. По губернаторским отчетам за 1905 год насчитывалось:

В уездах и областях	Киргиз	Крестьян	% отношение крестьян к киргизам
Актюбинском и Кустанайском } Тургайской обл.	230.707	86.376	37%
Петропавловском, Омском и Кокчетавском } Акмолинской обл.	422.401	93.732	22%
	214.696	148.941	69%
	484.456	205.515	42%

В Тургайской области крестьяне составляют 22 % или более $1/5$ киргиз, а в северных уездах ее — 37 % или немного менее $2/5$ их.

В Акмолинской обл. соответственные отношения равны 42 % и 69 %, иными словами, численность крестьянского населения в этой области превышает $2/5$, а в северных ее уу. $2/3$ — киргизского. За последние три года, особенно в 1907 году, наплыв переселенцев был особенно силен, так что приведенные отношения значительно изменились в пользу крестьян. Так, по данным Переселенческого Управления, в 1907 г. переселилось семей:

В Акмолинскую область	12.000
В Тургайскую и Уральскую область	3.133
В Сыр-Дарьинскую область	487
В Семипалатинскую область	1.987
В Семиреченскую область	1.211

Что составляет в общем	18.818
------------------------	--------

или 28,4 % всех переселенцев, зарегистрированных по 1-ое ноября 1907 г. в Сызрани и Челябинске. За один 1907 год отведено под переселенческие участки и отчуждено от киргизских земель в киргизской степи 54 тысячи душевые доли (считая по 3 души обоого пола в семье) или 810 тысяч десятин, в том числе в одной Акмолинской области 36 т. душевых долей или 510 т. десятин, падающих, главным образом, на северные уезды области, где земельная теснота довела уже киргиз, говоря канцелярским языком, до "сопротивления властям". Киргизы Кокчетавского уезда, под угрозой побоев, не допустили землемера Пересел. Управл. произвести повторное межевание для прирезки к Всеволодскому участку. Это было в июне 1907 года. Кто знает классическое миролюбие киргизского народа, тот поймет, как сильно должно быть угнетение киргиза, терроризированного административною ссылкой и прекрасно осведомленного о том, что представляет собою чрезвычайная охрана, на положении которой тогда находился Кокчетавский уезд, чтобы этот покорный раб решился на открытый протест в такой резкой форме. Земли их были уже окружены с 3-х сторон крестьянскими наделами; землемер хотел отрезать их и с четвертой, открытой еще стороны, затянув, таким об-

разом, над киргизами мертвую петлю. Этого осилить они не могли.

Киргизы признают лишь естественные границы земли: хребты гор, луга, реки, озера, увалы, долины-водостоки. Крестьяне же, считая за предел владения вспаханную борозду, совершенно не понимают своих киргизских соседей. На этой почве обычно и возникают столкновения, начинающиеся с перехода киргизского скота чрез межу крестьянского надела и его потравы. Крестьяне загоняют скот, берут выкуп, и притом настолько крупный, что киргизы стараются при первой же возможности уйти от такого соседства куда-нибудь, хотя бы на новом месте пришлось арендовать или покупать пастбища. И так как крестьяне злоупотребляют иногда своим правом и загоняют скот, пасущийся и не на их земле, а лишь вблизи межи, на земле киргиз, то последние стали сеять хлеб вокруг крестьянского надела, окаймляя его, таким образом, своей пашней. Киргизы мстят переселенцам по-своему, выкрадывая у них скот. В этом отношении между киргизами установилось своего рода молчаливое соглашение.

В 1901 г. в одном крестьянском поселке Омского уезда бесследно пропало 109 овец, — случай невероятный в киргизской степи, где нельзя скрыть покражу даже одной овцы. Но в данном случае это было возможно потому, что стадо принадлежало переселенцам. Судебные учреждения имели уже дело со случаями убийства киргиз переселенцами на почве поземельных столкновений. Всем памятна побоища между киргизами и

крестьянами в Петропавловском уезде в июне 1906 года. В этом столкновении принимали участие сотни вооруженных переселенцев и киргиз; в результате — несколько убитых с той и другой стороны.

Киргизы считают всю степь своею; в ней нет и пяди земли, на которой не пасся бы, в то или иное время года, киргизский скот; разумеется, за исключением негодных для пастбища мест, коими изобилует киргизская степь. По закону же вся земля, на которой живут киргизы, считается, как уже выше было отмечено, казенною. По горькой иронии судьбы право собственности на землю в степи имеют только несколько лиц из среды киргиз, предкам которых была пожалована земля за сомнительные для киргизского народа заслуги.

Таким образом, удобные для земледелия и лучшие земли — на законном основании отчуждаются от киргизских владений, причем коренное население водворяется на новые места, а казна уплачивает при этом только за сносимые киргизские постройки, если усадьба киргиз попадает в надел переселенческого участка. Чтобы не платить киргизам денег, чины переселенческого управления тщательно обходят усадьбы киргиз на расстоянии нескольких саженей, ставя межевые столбы на углу их землянок, на колодцах, из которых киргизы берут воду, и т. д. И это вернейший способ заставить киргиз уйти, не получив платы даже за постройки.

В девяностых годах прошлого столетия Министерство Земл. и Госуд. Имущ., ныне Главное Уп-

равление Земл.-Устр. и Земл., желая определить тот излишек земель, который, без ущерба киргизскому хозяйству, может быть отчужден под переселенческие участки, снарядило статистическую экспедицию, во главе которой стоял статистик Ф.А. Щербина¹.

Экспедиция на основании своих богатейших данных, относящихся к миллионам душ киргиз двенадцати уездов, расположенных от р. Урала до Алтая и от Арало-Иртышского водораздела до линии сибирской ж. д., приняла за норму для киргизского хозяйства от 18 до 24 единиц скота и от 5 до 8 десятин годового пастбища на каждую единицу скота, что составляет 90—192 дес. земли на двор.

До последних лет при отчуждении из киргизских земель наделов под крестьянские поселки, чины Переселенческого Управления считались с этими нормами, еще повышенными надбавкою в 25%.

Эта надбавка установлена была в интересах защиты киргиз, как корректив к нормам упомянутой экспедиции. Но и это не спасло киргиз от потери существенных угодий, — пашни, покоса и водопоя, отводившихся в надел крестьянам. Впрочем, это были обычные в русской жизни "маленькие недостатки механизма". Как ни обширна киргизская степь, лучшие земли ее заняты киргизскими кстау, — поселками, пашнями и покосами. И чины Переселенческого Управления вместо того, чтобы самостоятельно исследовать свойства поч-

1. Экспедиция собрала богатейший материал по первобытной культуре киргиз и издала материалы о киргизском хозяйстве в 13 томах.

вы, просто отнимали пашни и пастбища у киргиз, доверяя агрономическим знаниям последних и полагая, что занятые ими земли должны оказаться пригодными для крестьян.

Благодаря такому оригинальному методу иные киргизы трижды теряли свои пастбища и пашни, невольно играя роль разведочных агентств Переселенческого Управления.

Вера в агрономические знания киргиз была до некоторой степени полезна, но случались и ошибки, в результате которых крестьянам приходилось бросать полученный надел, как непригодный для земледелия. Из киргизских земель отводились не только участки для переселенцев, но и казенные дачи. В свое время этот отвод мотивировался вышшими, так сказать, государственными соображениями, охраною драгоценного в киргизской степи леса, которым страна чрезвычайно бедна. Так как киргизские поселки расположены близ леса, а покосы в самом лесу, то чины лесного ведомства, как и их товарищи из Переселенческого Управления, — виртуозы в деле закона, — тщательно обхватили межою на расстоянии нескольких саженей всю киргизскую оседлость, делая ее хозяина вечным объектом протоколов и штрафов; в конечном результате — киргиз сам уходил от такого житья.

Ныне государственные соображения относительно лесного богатства оставлены в стороне, и казенные лесные дачи, наравне с оброчными статьями, отданы под переселенческие участки; лесу киргизской степи грозит совершенное истребле-

ние. Впрочем, когда горит дом — бьют стекла.

Во время поездки по Сибири кн. Васильчикова, летом 1907 года, степной генерал-губернатор Надаров, по его предложению, отменил закон о предварительном рассмотрении отводимых переселенцам участков во временной комиссии¹. Киргизы с этого времени лишены права и возможности даже обжаловать несправедливый отвод, а переселенцы рискуют всегда сесть на негодный участок.

В настоящее время упомянутая 25 % надбавка к киргизским нормам уже игнорируется, что также является нарушением закона, создавая зато новые излишки для нарезки переселенческих участков. Как видно из одного доклада в Переселенч. Упр., в марте 1907 года нормы Щербины были найдены высшими, и поэтому произведена повторная перепись киргиз Кокчетавского уезда, где они испытывают наибольшее стеснение в земле и где последняя в наибольшем количестве отрезана для крестьян, которых, по губернскому обзору за 1905 год, было в 88 пос. — 83945 или 40 % всего крестьянского населения области, в то время как число киргиз равнялось 86969 душам обоюбого пола. Как было уже указано выше, за эти три года крестьянское население значительно увеличилось в этом уезде.

Нормам экспедиции угрожает, таким образом, опасность, и киргизы лишатся части тех земель, которые им раньше были предоставлены на основании норм Щербины. С другой стороны, переселенческие наделы уменьшены с 15 десятин до 10,

1. "Речь" № 229 от 28.09. 1907.

очевидно, с той целью, чтобы на месте двух разместить трех.

Ввиду этих шагов, предпринятых Переселенч. Упр., чтобы устроить в киргизской степи наибольшее количество переселенцев, нельзя не удивляться торопливости депутата Маркова 2-го: в переселенческой комиссии государств. думы он заявил, что киргизы — потомки орд Чингисхана и Тамерлана и что с ними нужно поэтому поступать так, как поступали с краснокожими в Америке¹.

Свою речь о Чингисханах и Тамерланах и о круговой поруке современных киргиз за их давнишние грехи, г. Марков позаимствовал у директора департамента земледелия Главного Упр. З. У. и З., г. Крюкова, высказавшего такой взгляд на киргиз на совещании, бывшем в марте 1907 года при названном Управлении.

В справочной брошюре, изд. Переселенч. Упр. для депутатов государственной думы III созыва, на 13 стр. напечатано: "для множества крестьянских хозяйств, стесненных малоземельем и совершенно неподготовленных для перехода к улучшенным способам землепользования и земледелия, переселение представляет единственный (?) исход из тяжелого экономического положения". Правительство решило поэтому "колонизовать" киргизские степи маломочными крестьянами, неспособными к улучшенным приемам хозяйства, наделив их 10-десятинным душевым наделом, чтобы на место двух посадить трех; с законами, ограждающими права

1. "Товарищ". № 442, от 6 декабря 1907 г.

киргиз, при этом не церемонятся, и желания г.Маркова в сущности уже исполнены.

Особый вопрос, — что ожидает в будущем крестьян и киргиз? Лучшие земли северного района киргизской степи сходны с землями Самарской губ. В 80-ых г.г. степь служила местом колонизации и даже числилась в ряду многоземельных губ. Ныне — она сама дает ежегодно не менее 6 — 9 тыс. душ переселенцев. При спешном и массовом переселении крестьян в киргизскую степь весьма возможно, что ее целина будет выпажана раньше, нежели крестьянское хозяйство успеет принять более интенсивную форму. Киргизская степь, лишившись вековой целины, окажется бесплодной и, при современной технике крестьянского хозяйства перестанет давать урожай. Здесь повторятся знакомые неурожаи юго-восточной России. Распылив превосходные пастбища киргизской степи и обратив ее в пустыню, крестьянин окажется у разбитого корыта, а киргизы, лишившись к тому времени своих пастбищ, окончательно обнищают, если только, пролетаризованные новыми условиями жизни, они не переселятся на горные заводы и в города.

III.

Перейдем теперь к той *культурно-политической* обстановке, в которой складывалась жизнь киргизской народности.

Кровная связь между тюркскими племенами, вошедшими в состав так называемой большой,

средней и малой орды, крепко держится с давних пор. На вопрос "кто ты?" каждый киргиз ответит: "уш джуздынг баласымыз", т. е. "мы дети трех орд". Если вопрос исходит от киргиза же, то вопрошаемый назовет одну из орд или какой-либо род из их среды. Каждый киргизский род имеет свой боевой клич — по имени самого популярного в нем лица, жившего когда-либо. У казахов таким кличем стало имя мифического лица Алаша.

В XVIII веке в киргизской степи чрезвычайно популярностью пользовался хан казахов *Аблай*, и в средней орде (Семипалатинская и Акмолинская обл.) это имя стало боевым кличем. Остаться дома, когда раздается родовой боевой клич, считается величайшим позором, — и кто им отмечен, за того ни один честный киргиз не выдаст своей дочери. Клич *Аблай* распространен даже среди сибирских казаков — русских. Один из них, провожая сына на японскую войну, давал ему даже напутствие: "Аблай! Аблай! деп кийпкет!", т. е. "Аблай! Аблай! нападай!"

Благодаря стараниям обрусительной политики правительства, с одной стороны, и пропаганды ислама — с другой, старое родовое объединение киргизской народности получило религиозно-политический характер.

Киргизы, еще недавно, в половине XIX века были довольно равнодушны к религии, в частности, к исламу. В Мекку ездили тогда лишь единичные личности, в то время как в 1905 году в одном только Омске из канцелярии степного ген.-губ. для поездки в Мекку получили заграничные

паспорта 500 человек. И это при наличии таких незаконных препятствий, как лишение права на поездку в Мекку тех, за чью волостью есть недоимки.

Бывало и так, что сердобольный крестьянский начальник не пускал в Мекку киргиза, находя, что у него для этого слишком мало средств, и судил он об этом на основании данных, записанных в податной тетради, где, как известно и самому крестьянскому начальнику, фигурируют заведомо ложные цифры. В видах воспрепятствования пропаганде ислама администрация изгоняла из киргизской степи всякого татарина: гонимый приобретал, благодаря этому ореол мученичества, оставаясь спокойно в степи, так как киргизы его скрывали.

Администрация требовала, чтобы в киргизских мектебах — национальных начальных школах — учитель знал русский язык. Для того, чтобы открыть школу или построить мечеть, требовалось особое разрешение, которое, обыкновенно не давалось.

В результате этого, и мектебы, и мечети устраивались нелегально.

Под молельни стали строить дома без минаретов, чтобы скрыть их от взора полиции.

Нужно заметить, что в вопросах религии и политики низшие агенты полиции и администрации, избираемые из среды самих же киргиз, действуют в согласии с последними: они также чувствуют себя сынами данного народа, так что тайные школы и молельни остаются неизвестными только уездным и крестьянским начальникам и высшему начальству.

В киргизской степи работают православные миссионеры, но результаты их деятельности ничтожны. Православие принимают или малолетние бесприютные сироты, оторвавшиеся от степи и случайно оказавшиеся в русских селениях, или влюбленная пара — жених и невеста, чтобы, перейдя в православие, получить свободу. Понятно, что таких новообращенных в православие, не может быть много, так как в степи призрение сирот лежит на обязанности рода, и общественное мнение не признает свободы выбора жениха и невесты.

Лет 6 тому назад, по доносу волостного писаря, уволенного киргизом-управителем, администрация познакомилась впервые с киргизской прокламацией, напечатанной на гектографе и получившей широкое распространение в степи. В этой первой киргизской прокламации, авторы на арабском и киргизском языках призывали детей *Алаша* подняться, как один человек, против посягательств русского правительства на религию — ислам и против попытки обратить киргизский народ в "крестьян" и православную веру. Эта основная идея прокламации богато иллюстрировалась частными фактами обрусительной политики. Авторы прокламации усмотрели желание обратить киргиз в "крестьян" в том, что с 1902 года в Акмолинской области введен институт "крестьянских" начальников; свои опасения относительно обращения в православие они строили на том, что тогда же в Акмолинской области стали открывать для киргизских мальчиков аульные школы, в которых киргизских детей обучали письму в русской транскрипции;

арабские же буквы, которыми пользуются киргизы, изгонялись из употребления. Киргизы, видя в этом покушение на свою грамоту и на священную книгу — коран — просили у администрации преподавать в аульных школах учение ислама и грамоту по-киргизски. В этой просьбе им было отказано. Тогда киргизам оставалось лишь признать справедливость того, что говорили о намерениях правительства авторы прокламации¹.

В связи с этой прокламацией были проведены впервые политические обыски у известнейших киргиз, у мулл и учителей; были арестованы библиотеки и переписка, возвращенные только в дни свободы, спустя 2 — 3 года. Из Кокчетова были административно высланы известнейший во всей

1. Вот еще небольшая иллюстрация той политики, которая до сих пор царит в киргизской степи: "Омская духовная консистория имеет честь покорнейше просить И.И. объявить киргизу вверенного Вам уезда, А. волости, К-у, Б-у, что на прошение его, препровожденное на имя Его Преосвященства, г. мировым судьей А.-ского уезда 23 марта за № 238, о привлечении к ответственности А.-ского священника, оскорбившего его и мухаммеданскую веру, резолюция Архипастыря 4 апреля за № 124 последовала такая: "дерзкий кляузник киргиз забыл, что он живет не в Турции, а в России православно-христианской. Оставить без последствий". В глубокой степи, за 700 верст от Сибирской ж.д., сидя в гостеприимной юрте богатого киргиза, я рассказывал собравшимся старикам и молодежи о русских писателях и, в частности, о Л.Н. Толстом. Хозяин дома, богатый влиятельный киргиз, выслушав меня, улыбнулся, попросил жену достать его шкатулку, где он держал свой архив и, вынув оттуда бумагу, передал мне. С нее я и снял вышеприведенную копию. Оказалось, что все киргизы знали ее содержание и, не желая обидеть подозрением мой рассказ, они высказали мнение, что все "они", т.е. русские писатели, вероятно *нерусские*, особенно Л.Н. Толстой. Все они должно быть мусульмане, иначе и быть не может. "Кто знает, они, может быть, киргизы", заметил один старик.

киргизской степи ученый — мулла Наузбай Паласов со своими учениками. Науан (под этим не переводимым ласкательным именем он известен в степи) 15 лет учился в Бухаре, кончил там высшую школу и сделал блестящую карьеру, исключительно благодаря своему необычайному дарованию. Он был сыном бедного киргиза Кокчатавского уезда, и в Бухару поехал, как некогда Ломоносов в Москву. В Бухаре Науан занимал место преподавателя в высшей школе, откуда его вызвали кокчетавские киргизы, послав особых делегатов. Если бы правительство сознательно пожелало отдалить киргизский народ от русского просвещения и толкнуть его в объятия панисламизма, то ничего нельзя было для этого и придумать, как начать преследования против популярного Науана.

В недавно еще поголовно безграмотной киргизской степи, ныне часто встречаются ученые типа Науана, окончившие высшие мусульманские школы в Самарканде, Бухаре, Константинополе, Казани и др. мусульманских центрах. Трудно сказать, какой % киргиз грамотен, так как обучение ведется тайно, и сведения не подаются в статистическую литературу. Губернаторские отзывы совершенно не отмечают киргизских национальных школ грамоты; о них впервые дает некоторые сведения экспедиция г. Щербины. По губернаторским обзорам за 1905 г. было:

В областях	Аульн. школ	Учащихся
Семиреченской	13	257
Семипалатинской	27	?
Акмолинской	14	301
Тургайской	94	1.672

В этом числе ничтожный % приходится на долю девочек. Таково положение низших школ в киргизской степи, где детей обучают русскому языку. Число киргиз, обучающихся в городах, совершенно ничтожно; в средних учебных заведениях и университетах — их очень мало, — окончивших высшее образование можно, говоря фигурально, перечислить по пальцам.

По данным Щербины было:

В уездах:	Учителей- мулл	Из них при- ходится на 1000 д.о.п.
В Устькаменогорском	97	0,4
Павлодарском	261	1,9
Каркаралинском	134	1,3
Петропавловском	154	2,3
Омском	167	4,4
Кокчетавском	164	2,0
Акмолинском	267	2,4
Атбасарском	97	1,3
Актюбинском	259	2,5
Кустанайском	159	1,4

Нельзя не пожалеть о том, что экспедиция разработала данные о числе грамотных и учащихся только в двух последних уездах. В них приходилось на 1000 д. о. п.:

	Грамотных		Учащихся	
	по-кирг.	по-русски	по-кирг.	по-русски
В Актюбинском уезде	42,3	2,7	94	1,5
В Кустанайском уезде	38	3,6	19	0,97

в том числе ничтожный процент приходится на учащихся женского пола.

Судя по приведенным данным, уровень грамотности в степи весьма невелик, но трудно предположить, чтобы экспедицией было учтено число всех учащихся и учителей, так как условия нелегального преподавания вряд ли способны расположить к откровенности. Нельзя не обратить внимания на процентное отношение между учащимися в национальной школе нелегальной и в школе правительственной: в Актюбинском уезде оно равно 62,6 и в Кустанайском — 19,6.

Обрусительная политика дает повсюду одни и те же результаты.

На киргизском языке пока нет ни одной газеты¹, точно также киргизы не располагают до сих пор своей типографией. Мысль о том и другом возникла в киргизской степи в счастливые дни свободы, но не осуществилась.

В киргизской степи в большом количестве выписываются татарские газеты и книги татарских издателей; за последние годы, начиная с 1905, вышло из татарских типографий несколько книжек на киргизском языке в стихах и прозе; авторы их киргизы.

1. Русские газеты (только левые до ка-де включительно) выписываются в степи единицами или десятками людей. После роспуска I Думы бесплатно посылались в киргизскую степь черносотенные газеты, но киргизы оказались к ним равнодушными, и некоторые вспоминали по этому поводу народный афоризм о волке, который, найдя на дороге отравленный кусок сала, обошел его, говоря: "тяжел и вкусен ты, кусок сала, однако, по какой загадочной причине оказался ты лежащим на дороге?"

Киргизская степь покорно несла беззакония, глубоко затаив ненависть и злобу. Не без зависти слушала она бродячего выходца из Туркестана и Турции, повествовавшего о великом халифе — султани турецком, о справедливости царящей в его царстве и благоденствии его народа. Рассказчик, изучивший киргизскую жизнь, знал чем привлечь внимание слушателей: говорил слепому о свете, глухому о музыке, а киргизам о справедливости и законе, властвующем будто бы в Турции и в прочих мусульманских странах.

Степь слушала эти рассказы с глубокой завистью к подданным восточных деспотов.

Началась русско-японская война. Крестьянские начальники, желая проявить патриотизм, принялись собирать у подчиненных деньги в пользу раненых; по существу, это был принудительный сбор, который не вызвал в киргизах симпатий к правительству.

Телеграммы приносили вести о непрерывных японских победах. Степь, зная со слов бродячего апологета ислама о том, что все хорошее и справедливое связано с исламом, и на опыте обрушительной политики также убедившаяся, что ничего хорошего не может быть вне ислама, — живо восприняла легенду о том, будто японцы — это те же мусульмане, с которыми киргизы соединены родственной национальной связью. Последнее обстоятельство, по их мнению, подтверждалось сходством японских портретов с типом киргизского

лица. Все это вызвало в них глубокий интерес к войне. В степь впервые стали проникать в большом количестве русские газеты: не говоря уже о татарских.

При таких обстоятельствах степь, пропустившая мимо ушей указ 12 декабря 1904 года, эпоху банкетов, — с восторгом встретила рескрипт 18 февраля: о созыве "доверием народа облеченных людей" и о разрешении подавать петиции по вопросам о народных нуждах. Вся степь была вовлечена в сферу политики и захвачена потоком освободительного движения. Началась оживленная переписка о нуждах киргизского народа. Указ 17 апреля о веротерпимости еще более приподнял настроение. Весной 1905 года, с наступлением привольной жизни, в степи на летних стоянках начались съезды, на которых обсуждались местные нужды и нужды всей киргизской народности. Все большие степные ярмарки этого года стали арендой киргизских политических съездов, где киргизы обсуждали и подписывали, поданные потом на Высочайшее имя, петиции. На этих же съездах были избраны делегаты, уполномоченные лично подать эти петиции.

Религиозные и земельные вопросы стояли у киргиз впереди вопросов политической свободы.

В составлении петиций принимала участие, с одной стороны, интеллигенция, воспитанная на русской литературе, верующая в европейскую культуру, видящая счастье родины в здоровом претворении плодов западной культуры и считавшая религиозные вопросы второстепенными, при наличности обещанной 17 апреля свободы веротерпимости.

С другой стороны, выступала и интеллигенция, воспитывавшаяся в духе восточной ортодоксии и национально-религиозной исключительности. Эта последняя выдвигала религию на первый план; в мусульманской схоластике она видела и продолжает видеть науку, которой никто и никогда не превзойдет; киргизский народ, и вообще магометан, она ставит выше всех народов, искренно и сознательно отождествляя религиозное единство с единством национальным. Если провести некоторую аналогию с русской интеллигенцией, то первую группу киргизской интеллигенции можно было бы назвать *западниками*, а вторую *тюркофилами* и *поборниками панисламизма*. Как показали киргизские съезды (замечу в скобках, — тайные), широкие массы, как везде, были нейтральны к вопросам политическим и обнаружили только некоторый интерес к вопросам религиозным, на которых и базируют наши тюркофилы-панисламисты. Но даже в наиболее активных слоях киргизского народа тюркофилы были в большинстве. Благодаря обрусительной политике, до сих пор царящей в киргизской степи, последняя с подозрением относится к западному просвещению и культуре.

В июне 1905 года в центре киргизской степи, в Каркаралинском уезде, на кояндинской ярмарке 14500 киргизами была отправлена на имя председателя Комитета министров петиция, в которой, между прочим, говорилось следующее:

”Не считаясь ни с интересами народа, ни с его историческими правами, преследуя лишь одну обрусительную политику, местная администрация

стремилась к уничтожению всего того, что не согласовалось с этой политикой. Правительство совсем упустило из виду, что киргизские степи не завоеваны, а добровольно присоединились к России. Киргизы приняли русское подданство в видах внешней защиты, не предполагая какого-либо вмешательства во внутренние дела. В насильственном же вторжении государства в сферу религиозных дел киргизы и видят явное посягательство на их веру и относятся с недоверием к действию правительства...

”Считая землю своей собственностью, приобретенной кровью отцов, киргизы, при вступлении в русское подданство, не подумали, что государство позволит себе посягнуть на частную собственность; между тем, русское правительство создало законы, по которым без всякой мотивировки, просто по праву сильного, все киргизские степи признаются государственной собственностью, последствием чего создалось переселенческое движение в киргизские степи, и самые лучшие участки земли перешли к переселенцам, а худшие — остались за киргизами”...

”Говоря короче, введение в стране степного положения, созданного бюрократическим путем, без всякого соображения с истинными потребностями населения, неуважение к закону со стороны власти, ставящей на место последнего свое усмотрение, полное пренебрежение к правам личности, административное насилие, вторгающееся во все стороны жизни, пренебрежение к духовным и экономическим интересам киргиз, искусственно поддержива-

емое невежество массы — все это привело население к обеднению, а его культурное развитие к застою”.

Благодаря победе тюркофилов, которых поддерживало активное большинство народа, пункты петиции начинались с требования освободить киргизское духовенство от подчинения мин. внутр. дел и создать особый духовный орган, либо же подчинить киргизское духовенство оренбургскому мезортиату; затем следовал пункт о земле, и, в самом конце, говорилось о необходимости созыва государственной думы и участия в ней депутатов от киргиз.

Настали незабвенные дни свободы. Манифест 17 октября был переведен на киргизский язык, при содействии старого цензора вице-губернатора напечатан в акмолинской областной типографии и разослан по всей киргизской степи. Киргизы, живущие в городах, ликовали, получив телеграммы с кратким изложением манифеста. По степи и в степных городах начались впервые публичные митинги. В городах киргизы присоединились к ликующей интеллигенции, говорившей о равенстве всех, о свободе совести, о народовластии. Киргизы впервые услышали из уст русских подобные речи, и краеугольный камень будущего сближения обеих народов тем уже был заложен. Киргизы увидели, что не все русские похожи на их старых знакомых, веками дискредитировавших в степи имя русского народа.

Начались выборы в государственную думу. Съезды так наз. выборных избирали в киргизской

степи выборщиков, которые, как было раньше указано, в свою очередь, избираются на каждое трехлетие для выборов должностных лиц киргизского общественного управления. Следует при этом принять во внимание, что киргизы вечно враждуют между собой, добиваясь избрания на эти должности и потому выборам в государственную думу угрожала величайшая опасность: они могли ограничиться обычными мелкими раздорами и сведением личных счетов. Но свобода передвижения в киргизской степи, ее способность быстро распространять и разносить повсюду всякие вести и связанная с этими благоприятными условиями возможность широкой политической агитации, — устранили эту опасность.

В степи появились рукописные переводы политических листков. Из "Биржевых Вед." был перепечатан, переведенный на киргизский язык, краткий катехизис партии народной свободы, и коекто даже переложил этот перевод на стихи. На сходе, собранном крестьянским начальником, убеждавших киргиз не особенно увлекаться манифестом и агитаторами, сидящими в тюрьмах, выступил певец или симулянт-юродивый и распевал катехизис партии народной свободы. В рамках казенного схода велась живая агитация.

В массе киргизского населения политические партии находятся еще в зачаточном состоянии. Политические взгляды избирателей еще аморфны и не успели вылиться в определенную программу. Как и все окраины, испытавшие на себе тяжесть обру-

сительной политики, киргизская народность настроена оппозиционно к правительству старого режима и тяготеет к русским оппозиционным партиям. В ближайшем будущем, в степи, вероятно, организуются две политические партии, соответственно двум политическим направлениям, складывающимся в киргизской среде. Одно из них может быть названо национально-религиозным, и идеалом его является религиозное единение казахов с прочими мусульманами. Другое, западническое направление, видит будущее киргизской степи в сознательном претворении западной культуры — в самом широком смысле этого слова. Первое, вероятно, возмет за образец мусульманские — татарские партии, а второе — оппозиционные русские, в частности, партию народной свободы.

В I и II думе все депутаты-киргизы примкнули к мусульманской фракции народной свободы.

Закон 3 июня 1907 г. лишил $4\frac{1}{4}$ миллионную киргизскую народность избирательных прав. Правительство, очевидно, сочло лишним присутствие в государственной думе представителей от того на народа, которого оно столь насильственно лишило его земель.

II

М. ДУЛАТОВ

АХМЕТ БАЙТУРСУНОВИЧ БАЙТУРСУНОВ

Биографический очерк

(Труды общества изучения киргизского края.

Вып. 3, 1922 г., Оренбург, стр. 17-23)

Ахмед Байтурсунович родился 28 (15) января 1873 г. на ур. Сартюбек Тургайского уезда и области, происходит из Аргынского рода киргиз средней орды. В раннем детстве он кое-как научился мусульманской грамоте у аульного муллы. Этим закончилось бы его "образование" и он остался бы на всю жизнь полуграмотным киргизом-скотоводом, если бы, по поговорке, "не помогло несчастье".

Если родина А.Б. Тургайский уезд, населенный исключительно киргизами-скотоводами и в наши дни является одним из темных изолированных от культурных влияний захолустных уголков, то, естественно, 50 лет тому назад картина безусловно была еще печальнее. Поэтому в те времена только редким счастливым из киргиз удавалось поступать в русские школы. Одним из этих счастливых является А.Б., поступивший в школу случайно, благодаря постигшему его родителей несчастью.

Как всякая среда, киргизская степь столети-

ями рождает своих великих сынов, но с присущими степной природе особенностями. Если разнообразная и красивая природа Европы рождала великих людей, людей науки и искусства, как Ньютона, Маркса, Толстого, Рафаэля и др., то монотонная степная природа Азии рождала своеобразных великих героев, как Темучина, Тамерлана, Кенесару, Срыма и др. Если не к числу великих, то, по крайней мере, сильных людей относится отец почтенного Ахмеда Байтурсун Шошаков. Будучи сильным и энергичным от природы, Байтурсун отличался свободолобием и никакой власти над собой не признавал. Поэтому он в степи являлся беспокойным элементом и часто устраивал эксцессы то с Султаном-правителем, то с сардарами. Впоследствии начальство ради успокоения Байтурсуна его самого назначает сардаром. Но это средство оказывается недействительным и Байтурсун Шошаков вступает в борьбу с уездным начальником Яковлевым и влиятельным сардаром Беремжаном*.

В борьбе против врагов своих с Байтурсуном солидарно действует родной брат его Актас, человек весьма умный и решительный.

В одно прекрасное время с небольшим отрядом казаков выезжает в степь уездный начальник Яковлев для поимки Байтурсуна и Актаса. 12 октября 1885 г. у брода реки Тургая-Джинглды Яковлев внезапно появляется в ауле Шошаковых, где застаёт самого Байтурсуна. Яковлев, требуя выдачи отсутствующего Актаса, производит террор на

* Беремжан – потомок известного в истории киргиз Джамыбек-батыря.

Мир Якуб Дулатов

киргиз, избивая нагайками и шашками поголовно всех, не исключая даже женщин и детей. Озлобленный таким зверским поступком Яковлева, Байтурсун бросается на Яковлева и наносит ему удары нагайкой, вследствие чего окровавленный Яковлев без памяти падает с лошади. После этого происходят перестрелка и нагаечный бой, в результате чего отряд оставив несколько человек раненных, пускается в беспорядочное бегство; из киргиз оказывается убитым один и несколько раненных. Вскоре после этих событий, при помощи высланных из Иргиза и Тургая карательных отрядов, Шошаковы задерживаются со всеми родственниками и заключаются в Тургайскую военную гауптвахту, а скот и имущество и них конфискуются. Через год прибывает из Казани сессия Военно-Окружного суда; Байтурсун и Актас с несколькими братьями и товарищами приговариваются к каторжным работам на 15 лет, а второстепенные участники в деле Шошаковых — на разные малые сроки. Остаются на свободе одни женщины и малолетние дети, в том числе будущий поэт и общественный деятель А.Б., без всякого попечения и средств к существованию. Ахмеду Байтурсуновичу тогда было 13 лет. "В письме матери," написанным в 1909 г. из Семипалатинской тюрьмы поэт об этих событиях вспоминает в слудующих стихах.

"Сердце мое, сраженное в 13 лет,

Сохранило неизлечимую рану и глубокий след".

Один из братьев Шошаковых Эргазы, приговоренный к 4-х мес. заключению, по отбытии срока наказания, задается счастливою мыслью отдать в

школу единственного сына Актаса-Аспандияра, объяснив это тем, что он убедился во время судебного процесса в необходимости знания русского языка, так как переводчики, боясь уездного начальника, не подробно и не точно передавали показания подсудимых. Умный от природы мальчик Ахмед изъявляет свое желание тоже поступить в школу, что и исполняется; он поступает в 1886 г. в Тургайское русско-киргизское 2 х кл. училище.

Вскоре отец А.Б. с братьями отправляется в Сибирь, а единственный его дядя Эргазы, на попечении коего оставалось осиротевшие жены и дети сосланных умирает.

А.Б. с большими трудностями и лишениями окончив курс Тургайского училища, в 1891 г. задумывает попасть в Оренбург для продолжения образования. Как Ломоносов А.Б. с случайными попутчиками добирается до Оренбурга и поступает в киргизскую учительскую школу. Четырехлетнее пребывание в Оренбурге и ежегодное возвращение на каникулы в Тургайский уезд и обратная езда в Оренбург проходят для него в крайне затруднительных обстоятельствах, сопряженных с большими материальными нуждами; однако, настойчивая натура А.Б. переносит встречавшиеся лишения и перебиваясь "с хлеба на воду" в 1895 г. он кончает курс учительской школы.

Этим заканчивается у А.Б. школьное образование. В дальнейшем он, изучая Европейскую литературу, занимается саморазвитием.

Педагогическая деятельность А.Б. начинается с 1895 года. В период с 1895 по 1909 й год он учи-

тельствует в аульных, волостных и двухклассных училищах в Актюбинском, Кустанайском и Каркаралинском уездах.

В начале XX в. живя в Каркаралах А.Б. принимает участие в революционных движениях: работая в первое время нелегально, а затем после обнародования манифеста 17 октября 1905 г. являясь одним из видных и активных руководителей киргизской массы. Вскоре наступает реакция, революция уходит в подполье, а А.Б. продолжает работу в подпольных организациях. Однако подходит расплата: среди товарищей оказывается провокатор (Т. Чингизов), который и выдает А.Б. и других. Первого июля 1909 г. жандармы производят обыск у А.Б. и арестовывают. До 21 февраля 1910 г. А.Б. сидит в Семипалатинской тюрьме, затем ему объявляют постановление о высылке его на два года из пределов киргизских областей. Последние годы до великой революции А.Б. жил в Оренбурге.

А.Б. народный поэт. Поэтическая деятельность его начинается с перевода басен Крылова на киргизский язык. Как у человека, посвятившего всю свою жизнь просвещению темной киргизской массы, основная идея его высказывается и тут: как поэт протестант, А.Б. поэзию превращает в орудие борьбы с политикой монархической России угнетавшей киргиз. Принимаясь перевести басни Крылова, он прежде всего имеет в виду великую важность басен для воспитания детей и взрослых. Он выбирает для перевода из Крылова такие басни, которые понятны и соответствуют киргизскому

духу. Если Белинский про Крылова говорил: "Хотя он и брал содержание некоторых своих басен из Лафонтена, но переводчиком его назвать нельзя: его исключительная русская натура все перерабатывала в русские формы и все переводила через русский дух", то же самое мы можем сказать и в отношении А.Б. Как у Крылова, так и у А.Б., о естественности, простоте и разговорной легкости языка тоже не приходится говорить. А.Б. переведено 40 басен Крылова и под названием "Крык мисал" сборник выдержал уже несколько изданий.

В своих стихотворениях А.Б. не поет о любви, о женщине, о природе, у него нет ни высокопарных стихов и ни крылатых фраз. Он простым и прямым киргизским языком поет о свободе, о нации, — об угнетенной и отсталой киргизской нации, призывая ее к просвещению, к труду и к освобождению от вековой спячки и пробуждая в каждом киргизе чувства гражданственности. Стихотворения А.Б. по внешней своей красоте, по внутреннему содержанию, легкости и равномерности занимают первое место в киргизской литературе. У А.Б. кроме "Крык мисал" имеется еще небольшой сборник оригинальных и переводных стихотворений под названием "Маса" и несколько не напечатанных стихов лирического характера.

Через всю литературную деятельность А.Б. красной нитью проходит беспощадная критика и строгий анализ царской политики и протест против нее.

А.Б. — публицист и творец школы киргизской художественной словесности. Как публицист А.Б.

не имея почти никаких материальных средств, в начале 1913 г. основал в Оренбурге первую, в полном смысле этого слова, киргизскую газету "Казак", на страницах которой смело выдвигал нужды киргизского народа.

В программной статье помещенной в первом номере "Казак" А.Б. пояснив пользу и значение периодической литературы и, между прочим, намекая на колониальную политику царского правительства, пишет:

"... Народ киргизский с давних пор занимавший определенную территорию, жил обособленную жизнью; теперь мы видим наплыв переселенцев в киргизской степи. Какова будет судьба наша в будущем? Судя по историческому ходу вещей не трудно предугадать, что, если пришлый элемент окажется в культурном отношении сильнее коренного населения, то со временем последнее должно быть поглощено первым. И наоборот: Если оба окажутся в равной мере культурными, тогда только они могут развиваться самостоятельно, существовать на одинаковых правах и сохранить национальный облик свой. Теперь перелом в экономической жизни киргиз неизбежен. На удобные для хлебопашества земли насаждаются земледельцы, скотоводческие участки отрезаются для скотоводов-пришельцев, а также отчуждаются и рыбные промыслы. Словом, всевозможными путями проникают в нашу среду чужие народности. Поэтому перед нами во всем своем величии вырастает вопрос, вопрос о самостоятельном существовании киргизского народа. Для того, чтобы сохранить

свою самостоятельность нам необходимо всеми силами и средствами стремиться к просвещению и общей культуре; для этого мы обязаны, первым долгом заняться развитием литературы на родном языке. Никогда не нужно забывать, что на самостоятельную жизнь вправе претендовать только тот народ, который говорит на своем языке и имеет свою литературу. В этом отношении у нас дело обстоит далеко неблагоприятно. Современная киргизская интеллигенция получившая образование в русских школах и татарских медресах, уже начинает пренебрегать киргизским языком, разговаривать и переписываться между собой на русском и татарском языках. Это уж плохой признак. Если это будет продолжаться и в дальнейшем и, если наши отцы и матери вопреки закону природы, не проживут сотни и тысячи лет, то нам придется раз навсегда проститься с киргизским языком, а вместе с тем и с киргизским народом, как с особой нацией. Если этого мы не хотим, то необходимо разрешить этот вопрос в корне и отныне приступить к усовершенствованию киргизского языка и литературы”.

От этой идеи А.Б. никогда и ни на шаг не отступал. Поэтому поводу были на него нападки со стороны татарской печати, но А.Б. всегда давал должный отпор. Благодаря А.Б., хотя бессознательно, но на самом деле поддававшаяся обрусению и отатариванию часть киргизской интеллигенции, живо опомнилась и стала сознавать и исправлять свои ошибки. Даже бывали такие курьезные случаи: учащаяся молодежь в некоторых русских учебных

заведениях в целях сохранения чистоты киргизского языка, обуславливалась разговаривать между собой обязательно по-киргизски, в случае нарушения кем-либо этого правила виновник за каждое случайно вылетевшее не киргизское слово платил 3-5 коп. штрафа в пользу ученических кружков.

Вскоре газ. "Казак", как единственный орган, отвечающий культурным и общественным запросам киргизской жизни, завоевала общую симпатию и стала популярною в широких массах. Тогда, как выходявшие в то время газ. "Казакстан" и жур. "Ай-кап", не находя среди читающей киргизской публике даже несколько сот человек, вскоре прекратили свое существование, "Казак" к концу первого года издания имел уже более 3000 подписчиков. Насколько "Казак" была дорога для молодежи, можно судить из того, что ежегодно в день выхода первого номера в свет из всех университетских и др. городов от учащих киргиз получались редакции приветственные телеграммы и письма.

Но зато "Казак" нажил не мало врагов. За все время своего существования "Казак" вел систематическую борьбу с развивавшимися в степи злоупотреблениями, разоблачая грязные поступки обирателей, взяточников и аферистов разных мастей. Они-то зорко следя за каждым шагом и за каждой строкой "Казак" занялись доносами; они переводили резко написанные и осуждающие действия и политику правительства статьи с комментариями от себя и представляли начальству. По-

этому то и дело производились в редакции обыски, то и дело А.Б. таскали к губернатору или жандармскому начальнику на допросы. В 1914 году за помещенную в №80 "Казак" передовицу, где А.Б. критиковал только что выработанный М.В.Д. проект положения об управлении Киргизским Краем, Оренбургский губернатор Сухомлинов оштрафовал А.Б., как редактора, на 1500 рублей и в случае его несостоятельности постановил заменить штраф арестом А.Б. на 3 месяца. Уплата 1500 рублей была равносильной закрытию газеты, поэтому А.Б., несмотря на слабость своего здоровья заявил полиции, что он согласен сидеть, но платить штрафа не может. 20 октября А.Б. посадили в тюрьму. Пишущий эти строки подал телеграммы в разные города, известив друзей А.Б. о случившемся. В адрес редакции посыпались переводы по телеграфу и А.Б., не просидев и 4-5 дней по внесении штрафа был освобожден. "Казак" и после этого подвергался штрафам на разные суммы, доходившим иногда до 3000 (в 1916 г.) и всегда отзывчивые читатели аккуратно вносили штрафы, не доводя дело до ареста А.Б. или закрытию газеты. "Казак" просуществовал до октября 1918 года. Созданная почти из ничего и существовавшая в тяжелых условиях царско-полицейского режима, благодаря умелому руководству и самоотверженному труду А.Б-ча, газета перед закрытием имела свою собственную типографию большой запас бумаги, небольшую библиотеку, тираж превышал 8000.

Таким образом, возглавляемая А.Б. газета "Казак" в истории молодой киргизской прессы за-

няла первое и почетное место.

После февральской революции А.Б. втянулся в водоворот общественно-политической жизни. На всех съездах краевых и областных он являлся одним из активных руководителей. После свержения царизма он занимал разные выборные должности и затем был избран в члены Всероссийского Учредительного Собрания — от Тургайской области по списку националистической партии "А л а ш". До 1919 г. находясь в рядах автономистов-националистов, в марте того же года А.Б., убедившись в пагубности для киргизского народа национальной политики правых партий, перешел на сторону Советской власти.

При Советской власти А.Б. занимал разные ответственные должности и в то же время он не прекращал учительско-педагогическую деятельность. В настоящее время состоит преподавателем Киргизского Института и председателем Научно-Литературной комиссии при Наркомпросе и почетным председателем Общества изучения Кирг. края.

В результате научно-педагогических трудов А.Б. мы имеем киргизскую азбуку, фонетику, синтаксис и этимологию киргизского языка, теорию словесности и историю культуры. Этим кропотливым трудом А.Б. поднял киргизскую словесность на высокую ступень и заложил прочный фундамент для национальной школы и родной литературы.

Стесняясь размером краткой биографической статьи, посвященной в честь 50 летия со дня рождения А.Б., подробно останавливаться на литера-

Ахмед Байтурсунов

турно-научных его заслугах, к сожалению, не приходится, поэтому заканчиваем настоящую статью искренним пожеланием дорогому Ахмету Байтурсуновичу плодотворной работы на долгие годы на благо родного киргизского народа.

Ш

Ахмед Байтурсунов

(Литературная Энциклопедия — т. 1. Москва,
Изд. Ком. Ак. 1930, стр. 305-307.)

БАЙТУРСУНОВ Ахмед Байтурсунович (1873 —) — выдающийся казакский поэт, журналист и педагог. Р. в ур. Сартюбек, Тургайской области. Отец его, Байтурсун Шашаков, был присужден к каторге на 15 лет. В 1891 Б. поступает в Оренбургскую киргизскую учительскую школу, по окончании которой (1895) занимается педагогической деятельностью. Перед революцией 1905 принимает участие в революционном движении. В 1905 Б. является руководителем революционных казакских масс. В период реакции продолжает свою работу в подпольных организациях. Его заключают в семипалатинскую тюрьму, а в 1910 выслают на два года из пределов казакско-киргизских областей. В Оренбурге в 1913 Б. издает на казакском яз. газ. "Казак", цель которой — общественно-культурное пробуждение казакского народа и его просвещение. Казакские молодые поэты и писатели того времени группировались вокруг этой газеты, существовавшей до октября 1918. После Февраль-

ской революции Б. отдается общественно-революционной работе. Он избирается в Учредительное собрание по списку казакской национальной партии "Алач" (Алаш). До 1919 Б. находится в рядах автономистов-националистов, но убедившись, что политика правых губительна для киргизско-казакского народа, переходит на сторону Советов. Состоит председателем Научно-литературной комиссии Наркомпроса Казакской республики и ведет также педагогическую работу. Лит-ная деятельность Б. начинается в 1901—1904 переводом на казакский яз. басен Крылова. Яз. Байтурсунова в этих баснях и лирических произведениях простой, народный, отличается своей художественностью и богатством поэтических выражений. Оригинальные стихи Б. напечатаны в его сборнике "Маса" (Скорпион). Основной мотив поэтических произведений Б. — забота о пробуждении казакского народа. Поэт резко выступает против колонизаторской политики царского правительства. Народник-националист, Б. является и первым выдающимся казакским ученым-лингвистом. Он — реформатор орфографии казакского яз., основоположник его грамматики и основатель теории казакской литературы.

Библиография: Самойлович А., проф., Лит-ра турецких народов, "Лит-ра Востока" вып. 1, П., 1919; Дулатов М., А.Б.Б. "Труды О-ва изучения киргизского края" вып. III, 1922; Поливанов, О киргизско-казакской орфографии, "Бюллетень Среднеазиатского госуд. университета", вып. VII, Ташкент, 1924.

IV

ТУРАР Р. РЫСКУЛОВ

КАЗАХСТАН

(Москва-Ленинград, 1927,
Глава четвертая, стр 34-49)

КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

История вопроса.

Колонизация степей Казакстана переселенцами и вся политика царизма, проводившаяся в связи с этим, сыграли огромную роль в последующем ходе истории казакского народа, внесли полную перетасовку в его хозяйственно-бытовые отношения, наложив свой резкий отпечаток на состояние его дальнейшего экономического и культурного развития.

Основными элементами переселенчества были русское казачество и крестьянство из быв. центральной и южной России. Цель колонизационной политики царизма и переселения крестьянства и казачества "за Урал" заключалась, во-первых, в стремлении дворянско-помещичьей власти, тогда господствовавшей в России, завоевать побольше новые окраины для извлечения оттуда легкой на-

Турар Рыскулов

живы для отечественного капитализма и обладания большими рынками для сбыта продуктов своей промышленности; во-вторых, — в стремлении, путем переселения излишков крестьянского населения в азиатские окраины, умерить у себя аграрные беспорядки и остроту земельной тесноты, не прибегая в этих целях к ущемлению интересов русских помещиков и дворянства.

Первыми переселенцами в Казакстан были русские казаки. Уже в конце XVI века образовалось общество вольных казахов на Яике, или точнее на Джаике (Уральская область). В XVII столетии образуются казакские поселения по реке Иртышу. Казачьи поселения, расширяясь, потом оформляются в "Уральские и Сибирские казачьи войска". Казаки играли роль военно-пограничной охраны, призванные для распространения дальше русской власти, и почему были оделены разными привелегиями.

Крестьянская же колонизация казакских степей начинается с 1866 г., с образования первых самовольческих поселков в Акмолинской области. Эта колонизация происходила сперва на основе начал аренды земель у коренных казаков, но потом эти аренды превращались в фактическое обладание арендуемыми участками. Со времени же сибирского генерал-губернатора Казнакова (1870 г.) образуются уже первые официальные переселенческие поселки.

В 80-х годах появляются переселенцы в Тургайской и Семипалатинской областях. Со времени учреждения комитета по постройке Сибирской

жел. дор. (1892 г.) переселенческая волна приобретает уже широкий размер, и эта волна еще больше усиливается после русско-японской войны. Хотя при колонизации считалось, что за коренными казаками необходимо сохранять их насиженные места, постройки и обработанные поля и пастбища, но в дальнейшем это все больше нарушалось путем административного захвата таких пространств — то по мотивам государственной необходимости, то для удобства переселенцев и т. д. Наряду с колонизацией степей производится и обследование степных областей (экспедиция Шербины, обследования бывш. переселенческого управления и др.).

На истории заселения отдельных губерний степного края переселенцами и их столкновения с местным населением, на характеристике деятельности тогда царской администрации в этом вопросе — не будем останавливаться.

Результаты колонизации северного Казакстана.

Перейдя непосредственно к итогам колонизации степных областей Казакстана, можно привести следующие данные до 1916 г. из материалов того же бывш. переселенческого управления, сопоставляя результаты колонизации к 1906 г. с результатами к 1916 г. (см. таблицу на 79 стр.).

Из этой площади на долю единичных хуторских хозяйств приходилось по указанным губерниям 2053 участка с площадью в 1293351 дес. На основании переписи 1916 г. видно, что у переселенцев в степных губерниях Казакстана (прежней

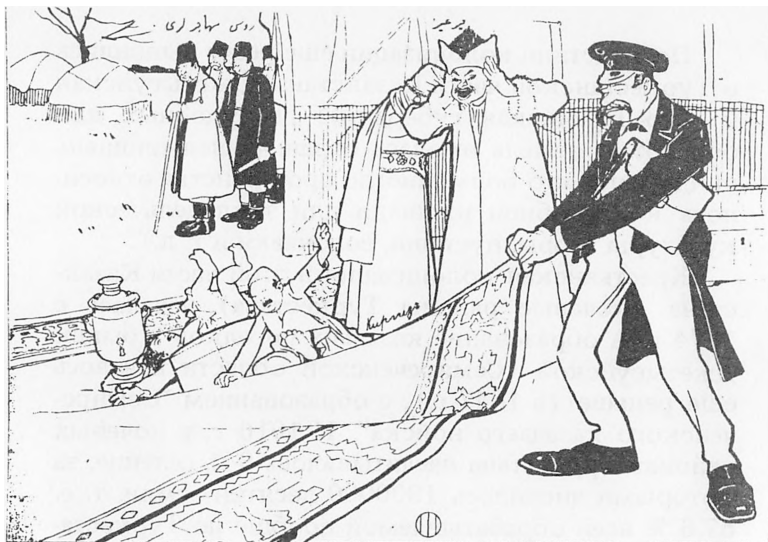
Области	Переселенческий фонд (переселенческие участки хутора)			Государственный запасной фонд (оброч. стат. лесн. дачи, уч. спец. назначения)			Итого площадь в десятк.
	Участки	Площадь в десятк.	Емкость в душ. дол. мужск. пола	Участки	Площадь в десятк.	Участки	
Акмолинская 1906 г. с 1906 - 1916 гг.	382 2 617	2.978.560 3.487.415	Св. нет. 253.764	480 1 231	204.790 926.490	862 3 848	3.183.350 4 419 035
Итого:	2 999	6 466 605	-	1 711	1 131 280	4 710	7 597 285
Семипал. до 1906 г. С 1906 - 1916 гг.	67 842	532 485 2 594 399	15 415 110 505	4 171	3 639 1 112 773	71 1013	536 124 3 707 172
Итого:	909	3 126 884	125 920	175	1 116 412	1 084	4 243 296
Тургайская до 1906 г. С 1906 - 1916 гг.	130 659	1 022 167 2 416 567	66 571 162 976	68 239	372 674 997 459	148 898	1 394 841 3 414 026
Итого:	789	3 438 734	229 547	307	1 370 133	1 096	4 808 867
Уральская до 1906 г. С 1906 - 1916 гг.	- 136	- 876 929	- 54 573	- 82	- 239 587	- 218	- 1 107 516
Итого:	136	876 929	54 513	82	230 587	218	1 107 516
По всем областям до 1906 г. С 1906 - 1916 гг.	579 4 251	4 533 212 9 375 340	- 581 758	552 1 723	581 103 3 267 309	1 131 5 977	5 114 315 12 612 649
Итого:	47 833	13 908 552	-	2 275	3 848 412	4 108	17 758 961

КССР) хозяйств с инвентарем было уже 60 %, а доход составлялся из дохода: от земли (57 %), скота (18 %), промыслов (15 %) и прочих поступлений (10 %). Доход среднего переселенческого хозяйства в 1911 г. равнялся 4714 р., а расход — 2574 р. Таким образом переселенцы достаточно были обеспечены и имели определенный ежегодный доход.

Кроме того, русское казачество обладало по всем степным губерниям Казакстана к тому времени (1915 — 1916 гг.) площадью земель в 11227000 десятин, а города обладали землей в 219000 десятин. За то же время было образовано оседлых казакских участков 452 с площадью земель в 2306342 десятин с емкостью в мужских душах 95490 человек. По всем указанным губерниям степного Казакстана посевная площадь и площадь сенокоса к 1916 г. распределялась следующим образом.

Категория населения	Посевы в тыс. дес.	Сенокос в тыс. дес.
Русские крестьяне	2 043 (61%)	49 038
Кзаки (русские) и частные владельцы	634 (19%)	61 696
Коренные кзаки	671 (20%)	165 093

Прирост населения в степном Казакстане в течение с 1905 по 1916 год определился по категориям населения: русских — 18 %, русских кзаков — 21 % и коренных кзаков — 6 %, а население городов увеличилось на 63 %. За это же время у крестьян и русских кзаков посевы увеличились в 5 — 6 раз, а у кзаков — в 2 раза в Семипалатинской и Акмолинской губ. и в 1 1/2 раза в Тургайской и

Колониальный вопрос

ماتور : دودون بورادان كوجون : يزيم خاؤل لاره ير لازم در

“Проблема колонизации” в Киргизии
Русский чиновник: “Вон отсюда. Мы нуждаемся в этом
месте для украинцев”.

Карикатура. Молла Насреддин, №8, 1909 г.

Уральской губерниях (на увеличение посевов крестьян отразился прилив также новых переселенцев.

Колонизация южной части Казакстана.

Последствия колонизации еще резче выявились в Туркестанской части Казакстана (Джетысуйская и Сыр-Дарьинская губернии), где удобных для обработки земель имелась ограниченная площадь ввиду того, что большинство пространства относилось к неудобной площади для земледельческой культуры (горы, пустыни, солончаки и т. д.).

Крестьянская колонизация в этой части Казакстана (кочевые районы Туркестана) началась с 1874 г. А образование казачьих поселков в бывш. Джетысуйской (Семиреченской области началось еще раньше (в 1847 г.), с образованием "Семиреченского казачьего войска". К 1916 г. в кочевых районах Туркестана насчитывалось 941 селение, за которыми числилось 1900000 десятин земли, т. е. 57,6 % всей обрабатываемой вообще по Туркестану земли (из общей площади Туркестана в 152300000 десятин, без Бухары и Хивы, только 3288381 дес. было обрабатываемых). В том числе на бывш. Джетысуйскую область приходилось переселенческих русских поселков и станиц — 600, а обрабатываемых земель, занятых под ними, — 1200000 дес. В Сыр-Дарьинской области было поселков 260 и занятых ими земель — 607000 десятин. Остальные переселенческие площади приходились на другие области. Всего по Джетысуйской

области (включая все виды земель) было изъято 4193520 дес., из которых приходилось:

на казач. станции	667 000 дес.
на русск. сторож. поселки	232 000 дес.
на новоселенческие пос.	1 277 000 дес.
на казенные земли (леса, оброчные статьи)	1 750 000 дес.
на городские земли	37 000 дес.

Вначале душевой надел крестьянских переселенцев был определен (в 1869г.) в 30 десятин, но потом эту норму снизили до 10 дес. на душу, а для казачьих хозяйств определено было на душу земли гораздо больше. По данным обследования 1904 г., в Джетысуйской губернии в среднем приходилось на двор:

русских казаков	87,6 дес. и скота 88 голов
русских крестьян	32,4 дес. и скота 17,9 голов
таранчинцев и дунган	12,8 дес. и скота 4,1 голов
коренных казаков	12,4 голов

К тому же моменту скотоводство сократилось у казаков на 35,9 % в среднем за счет перехода к хлебопашеству и также ввиду общего обеднения. В составе крестьянских хозяйств 23 % — 50 % приходилось на прибегающих к найму батраков, а русские казаки держали постоянно 1 — 33 батраков, а также прибегали к найму батраков и казакские баи (кулаки). Батрачество составляла главным образом казакская беднота, постепенно лишавшаяся земли, не имевшая почти скота и составлявшая солидный процент населения. Вся эта колониальная работа царской власти сопровождалась неограниченным произволом и злоупотреблениями.

ми туземных волостных старшин и биев, заодно с царскими приставами и уездными начальниками, беспощадно грабивших кочевое население.

Вследствие этой упорной колонизационной работы за период 1902 — 1913 в бывш. Джетысуйской области в общей массе населения происходило сокращение до 8 % — 9 %. Результаты этой усиленной царской администрации в продолжении 50 лет фактического ее владычества и общее обнищание казакского населения послужили основной причиной всеобщего восстания казаков в 1916 г. в Джетысуйской и Сыр-Дарьинской областях и некоторых районах северного Казакстана (Тургайская губ. и др.). Колонизационная политика царизма и система его управления вселили небывалый *национальный антагонизм* между переселенцами и туземцами в туркестанской части Казакстана. Переселенческое русское крестьянство и русское казачество вели свои хозяйства в большинстве хищнически, и благополучие их зиждилось главным образом на эксплуатации казакских батраков и населения. Среди самих переселенцев наметились тоже расслоения на кулаков, середняков и небольшой слой бедняков.

Существовал по известной линии антагонизм также между русским крестьянством и русским казачеством.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абдыкалыков М., Панкратова А. История Казахской ССР. Алма-Ата, 1943.

Алекторов А.Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань, 1900.

Асфендиаров С.Д. История Казахстана с древнейших времен. Алма-Ата – Москва, 1935.

Баишев С.Б. Победа социализма в Казахстане. Алма-Ата, 1968.

Батраков И. "План оседания в Средней Азии". Революция и национальности. Май-июнь 1933, № 5-6 (38-39).

Бейсембиев К. Из истории общественной мысли Казахстана в второй половине XIX века. Алма-Ата, 1957.

Бочагов А.И. Алаш-Орда, Алма-Ата, 1930.

Брайнин С. Восстание казахов Семиречья в 1916 году. Алма-Ата, Казахст. Краевое Издат., 1936.

Браинин С., Шапиро Ш. Об истории Алаш-Орды. Алма-Ата, 1935.

Букейханов, Али Хан. "Киргизы" in: Костылянский А.И. (Ред.) Формы национального движения в современных государствах. Петербург, 1910, стр. 577-600.

В огне революции. Сборник воспоминаний. Алма-Ата, 1957.

Веляминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргизах-казаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абдул-Хаир Хана. Уфа, 1853.

Восьмая Казахстанская Краевая Конференция ВКП (б). — стенографический отчет. Алма-Ата — Москва, 1931.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. Москва, Академия Наук, 1960.

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков). Казахский Краевой Комитет: История партийного строительства в Казахстане. Алма-Ата, 1936.

Вторая киргизская областная конференция РКП (б). Протоколы. Оренбург, 1922.

Галуцо П.Г. Казахстан в канун октября. Сборник статей. Алма-Ата, "Наука", 1968.

Голощекин Ф.И. Десять лет пройденных и предстоящие задачи. Алма-Ата, Госуд. Изд. РСФСР. Казахст. Краевое отделение, 1930.

Голощекин Ф.И. Казахстан на путях социалистического переустройства. Алма-Ата, 1931.

Голощекин Ф.И. Партийное строительство в Казахстане. Сборник речей и статей (1925 – 1930 г.). Подготовлен к печати В. Муравьевым, М. Рядниным и Д. Смирновым под общей редакцией П.М. Рысакова. Москва, Госуд. Изд. РСФСР, 1930.

Дахшлейгер Г.Ф. Историография Советского Казахстана. Алма-Ата, 1969.

Десять лет Казахстана. Алма-Ата, 1930.

Джандильдин. "О некоторых вопросах развития национальной культуры" Коммунист Казахстана, № 7, июль 1957, стр. 15-21.

Дулатов М.Я. "Ахмед Байтурсунович Байтурсунов – Библиографический очерк". Труды Общества Изучения Киргизского Края. Вып. 3, стр. 17-23, 1922, Оренбург.

Елеуов Т.Е. Установление и упрочение советской власти в Казахстане. Алма-Ата, 1961.

Hayit B. Die nationalen Regierungen von Kokand und der Alasch-Orda. Münster, 1950.

История государства и права Советского Казахстана. Т. 1, Алма-Ата, 1961.

Из истории партийного строительства в Казахстане. Сборник статей. Алма-Ата, Краевое издательство, 1936.

История казахской литературы. Т. 1, Алма-Ата, 1971.

История Казахской ССР. Академия Наук ССР. Институт истории, археологии и этнографии. Т. 1, Алма-Ата, 1957.

Казахская Советская Социалистическая Республика. Алма-Ата, 1938.

Казахская ССР. Академия Наук СССР, Москва, 1957.

Казахстан в огне гражданской войны. Алма-Ата, 1960.

Казахская организация ВКП(б) в решениях ее конференций и пленумов. 1920-1925 г. Вып. 1. Алма-Ата – Москва, 1931.

Кийкбаев Н.К. Торжество ленинской национальной политики в Казахстане. Алма-Ата, 1968.

Коммунистическая Партия Казахстана в документах и цифрах. Алма-Ата, 1960.

Кулумбетов У. "Переход на оседлость в Казахстане" – Революция и национальности, Май 1932, № 5 (26), стр. 59.

Культурное строительство в Казахстане. (1918-1932). Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1965.

Курамысов Т. За ленинскую национальную политику в Казахстане. Сборник речей и статей, 1928-1932. Алма-Ата, Краевое издательство, 1932.

Куфтин Б.Л. Киргиз-казаки. Культура и быт. Москва, 1926.

Левшин А. Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей. Санкт-Петербург, 1840, 2 тома.

Лесная Л.В. Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, собранные Л.В. Лесной. Под редакцией и с предисловием Т.Р. Рыскулова. М. Гос. Соц. Эк. Изд. 1937.

Материалы по истории Казахской ССР. Москва — Ленинград, АН СССР, т. IV (1789-1828) 1940

Материалы к отчету Казахского Краевого Комитета ВКП (б) на V Краевой партийной конференции. Кзыл-Орда, 1927.

Материалы к отчету Казкрайкома VIII Казахстанской конференции ВКП (б). Алма-Ата, 1934.

Mende, Gerhard v. Studien zur Kolonisation in der Sowjetunion. Breslau, 1934.

Нусупбеков А.Н. Объединение казахских земель в Казахской Социалистической Республике. Алма-Ата, 1953.

Образование Казахской АССР. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, АН Каз. ССР, 1957.

Октябрь в Казахстане. Алма-Ата, 1930.

Oraltay, Hasan. Alaş — Türkistan Türklerin Milli Istiklâl Parolası. Istanbul, 1973.

Отчет II Всекиргизской конференции РКП (б). Оренбург, 1923.

Очерки истории казахской советской литературы. Москва, 1960.

Очерки истории Коммунистической Партии Казахстана. Алма-Ата, 1963.

Памятная книжка и адрес. Календарь Семиреченской области на 1898 год. Верный, 1898.

Памятная книжка Тургайской области 1899 года. Оренбург, Тип. "Тарынов", 1899.

Пахмурный П.М. Коммунистическая Партия – организатор партизанского движения в Казахстане. Алма-Ата, 1965.

Победа Великой Октябрьской Социалистической революции в Казахстане – сборник документов. Алма-Ата, 1957.

Победа Великой Октябрьской Социалистической революции в Казахской АССР. Сборник документальных материалов. Алма-Ата, 1947.

Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967.

Покровский С.Н. Разгром иностранных военных интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане. Алма-Ата, 1967.

Поливанов. "О киргизо-казахской орфографии". In: Бюллетень Среднеазиатского Государственного Университета. Вып. VII, Ташкент, 1924.

Протоколы Первой областной киргизской конференции РКПП 1921 г. Алма-Ата, 1935.

Пятнадцать лет Казахской АССР – 1920-1935. Алма-Ата, 1935.

Рыскулов Т. "Из истории революционной борьбы в Казахстане". Революция и национальности, Москва, 11 (69), 1935, стр. 36-45.

Рыскулов Т. Казахстан. Москва – Ленинград, 1927.

Рыскулов Т. "Против извращения истории казахского народа и характера Октября в Казахстане". Революция и национальности, июнь 1936, № 6 (76), стр. 62.

Самойлович А. "Литература турецких народов". In: Литература Востока, Вып. 1, Петроград, 1919.

Сапаргалиев Г. Возникновение казахского советского государства. (1917-1920). Алма-Ата, 1948.

Сапаргалиев Г. Советское государство в борьбе за развитие социалистической культуры в Казахстане. Алма-Ата, 1957.

Седьмая Всеказахстанская партийная конференция ВКП (б) Стенографический отчет. Алма-Ата, 1930.

Сулейменов Р. Ленинские идеи культурной революции и их осуществление в Казахстане. Алма-Ата, 1972.

Сулейменов Р., Бисанов Х. Социалистический путь культурного прогресса отсталых народов. Алма-Ата, 1957.

Тимофеев И. "Из истории борьбы партии с контрреволюционной Алаш-Ордой". Большевик Казахстана, Алма-Ата, 8, 1935, стр. 51-59.

Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата, 1957.

Установление Советской власти в областях Казахстана. Алма-Ата, 1957.

Учредительный Съезд Советов Киргизской АССР. 4-12 октября 1920 г. Оренбург, 1921. Казахстанское Краевое Издательство.

Хозяйственное развитие Киргизской АССР. Оренбург, 1924.

Чиркин. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Петроград, 1917.

СОДЕРЖАНИЕ

Kazakh on russians before 1917	5
I. А. Букейханов – Киргизы.	19
II. М. Дулатов – Ахмет Байтурсунович Байтурсунов.	59
III. Ахмет Байтурсунов	73
IV. Турар Рыскулов – Колониальная политика царизма и ее последствия.	75
Библиография.	85

